

ВЕЩНОСТЬ
ОРУЖИЕ

ВЯЧЕСЛАВ
ШАЛЬГИН

БОЙ С ТЕНЬЮ

ЭКСМО

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Бой с тенью

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162238

Шалыгин В. Бой с тенью: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-05930-X

Аннотация

А началось все с такой мелочи – Андрей Соловьев неожиданно понял, что может читать чужие мысли. И тогда заурядное расследование криминальных разборок привело его к чудовищному открытию – где-то рядом преспокойно живут и орудуют чужаки. Посланцы другой планеты. Причем, в отличие от основных клиентов соловьевской Конторы – бородатых террористов, нелюди внешне ничем не отличаются от обычных земных обывателей. Балансируя на грани безумия, Андрей вступает в единоборство с неуловимым убийцей Призраком и с глубоко законспирированным Оборотнем. Но все, что происходило с ним, оказалось лишь первым камешком лавины, обрушившейся на многострадальную Землю...

Содержание

Апрель ...7 года	4
Часть 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Вячеслав Шалыгин

Бой с тенью

Апрель ...7 года

«Человек вряд ли будет способен осознать момент вступления в Контакт, ведь Сущность нематериальна, а следовательно, недоступна нашему восприятию. Это равносильно попытке наладить отношения с тенью, которая существует, но в то же время является лишь игрой света, и мы не можем назвать ее материальным объектом. Тень, наползающая в данный момент на Землю, возможно, не столь призрачна, но чужда нашему разуму, а значит, в диалог с ней нам не вступить. Осознать, что она реальна, установить ее причастность к тем или иным событиям можно, стоит лишь набраться терпения и тщательно проанализировать факты, однако нельзя предпринять ответные действия. Ведь мы не имеем ни малейшего понятия о точке приложения силы. Сущность никак не стыкуется с земной концепцией мироздания. Мы, порождения материализовавшейся энергии, просто не так устроены, чтобы ей противостоять. Ее не понимают ни наука, ни все без исключения идеалистические течения или религии. Бороться с ней не способны ни люди, ни высшие силы, если таковые существуют. Это Нечто из другого мира,

пространства, вселенной, и, чтобы понять его устремления, следует стать такой же Сущностью, а человеку или его богам этого не дано. Мы не знаем, с чем имеем дело, мы не знаем, в чем конечная цель этого Нечто, мы не знаем, как с ним бороться. Можно ли решить уравнение с таким количеством неизвестных? Можно ли победить в бою с тенью? И если нельзя победить, то как нам уклониться от этого боя?»

Призрак сделал глоток холодного кофе и отодвинулся от стола. Слова, застывшие ровными строчками на дисплее портативного компьютера, казались чужими. Они словно проходили по сквозному каналу сознания и формировали текст без участия автора. Он не считал себя сумасшедшим, ведь он не слышал «голосов» и не воспринимал изложенные мысли, как нашептывания извне. В то же время он понимал, что самооценка вполне может оказаться ошибочной. Многие ли душевнобольные осознают свою неадекватность? Скорее всего – нет. Отчасти это Призрака беспокоило, но убежденность в собственной правоте не позволяла ему списать происходящее на легкие расстройства психики в результате переутомления или частых стрессов. Он действительно верил, что Сущность или Тень, как он предпочитал называть необъяснимый феномен, реальна. Слишком многое свидетельствовало в пользу этой, на первый взгляд безумной, версии. По роду деятельности ему приходилось окунаться в гущу самых невероятных событий, и он считал, что имеет полное право на любые выводы. Тень существовала не только на

страницах его дневника. Как это ни парадоксально, она была частью реальности. Той самой, в которой жил он и миллиарды прочих людей. Вот только осознать, что над миром нависла серьезная угроза, могли единицы. Что для этого требовалось: особо извращенный ум, богатый жизненный опыт или нестандартный подход к любым ситуациям? Призрак не знал ответа, поскольку обладал вышеперечисленными качествами в равной мере.

На сегодня он решил с дневником закончить. То ли остывший кофе сбил его с мысли, то ли ему просто нечего было добавить к написанному. Противник на горизонте вырисовывался достойный, но Призрак вовсе не собирался вступать в бой. Он пока не знал – как это сделать, но твердо решил покинуть ринг. Другого выхода он не видел. Осторожные и умные одиночки переживают катаклизмы лучше любых самых сплоченных коллективов. В этом он был убежден давно и прочно. Одиночкам нечего терять и легко уходить на дно. Если Тень придет конкретно за ним, он, конечно, был намерен сражаться, но до того момента Призрак не собирался шевелить и пальцем. По отношению к обществу такая позиция была эгоистичной, но его это не волновало. Эгоизм был в его понимании нормальным человеческим качеством. Впрочем, одна знакомая когда-то давно заметила, что он является скорее индивидуалистом, нежели эгоистом, и Призрак с ней согласился, хотя не совсем отчетливо понимал, в чем заключается разница. Да и есть ли она вообще. На самом деле

он не так уж сильно любил себя. Занимался опасным бизнесом, причем не из-за тяги к приключениям, а исключительно ради денег, курил, употреблял предельно допустимые дозы алкоголя, правда, редко, и не чурался предосудительных знакомств. Изнурительные физические упражнения он уважал, но лишь потому, что хорошая форма – ключ к успеху в любой работе. Режим питания при этом он не соблюдал. Питался чем и как попало, строго придерживаясь разве что правила не переедать и всегда добавлять в рацион витамины. Одевался он просто, а в быту предпочитал минимализм – ничего лишнего, только самые необходимые вещи и предметы обстановки. Единственное, в чем он себе никогда не отказывал, была роскошь одиночества. Созерцательного или насыщенного размышлениями, не важно. Одиночество и тишина для Призрака были главными условиями существования. Они помогали ему находить единственно верные решения. Поэтому, постоянно балансируя на опасной грани, он никогда не ошибался.

Призрак закрыл текстовую программу и заглянул в почтовый ящик. Новых сообщений было несколько, но прежде всего он открыл то, что пришло последним. Отправитель обращался к Призраку редко и только по важным вопросам. Такое доверие и уважение было приятно, хотя Призрак и не знал своего постоянного партнера в лицо или по фамилии. Работодатель называл себя Оборотнем. Сочетание Призрак – Оборотень выглядело немного напыщенно, но дела в

этой комбинации всегда проходили вполне успешно, и платил незнакомец щедро, словно не знал цену деньгам. Призрак закурил и внимательно прочел лаконичное предложение.

«Проследить, если возникнут осложнения – помочь, если это будет невыполнимо – убрать. Риск выше обычного. Оплата тоже. Подробности в случае предварительного согласия. Оборотень».

Получатель прочел сообщение дважды и тут же отстучал на клавиатуре ответ.

«Проследить – подстраховать?»

«Да. Тебя что-то беспокоит?»

«Подстраховать и помочь – стыкуется. Убрать – нет. – Призрак минуту подумал и добавил: – Двусмысленность задания делает меня козлом отпущения».

«Беспокоишься о репутации?»

«Да. Не хочу, чтобы потом говорили, будто я убрал человека потому, что испугался трудностей или решил без проблем сорвать куш».

«Я тебя понял. Уточняю. Приведешь его обратно живым – оплата возрастет на порядок, устранишь – если возникнет опасность, что его расшифруют, получишь полтора «стандарта». Алиби?»

«Согласен. Маршрут?»

«Пересеченная и лесистая местность, водные преграды, возможно, предгорья».

«Продолжительность?»

«До трех дней».

«Почему не я?»

«Ты же Призрак. Как с тобой потом побеседуешь?»

«По возвращении я мог бы предоставить подробный электронный доклад. Тебе не жалко своих людей?»

«Парень хорошо подготовлен».

«Самоуверенность – первый шаг к провалу».

«Я ценю твою заботу о незнакомых людях, но просто сделай то, о чем я прошу».

«Хорошо. Когда?»

«Завтра вечером. Начало в двадцать один час. Берег у сто первого километра. Займешь позицию заранее – без проблем разберешься, кого страховать и при каких условиях его следует убрать».

«Ты мне настолько доверяешь?»

«Не в первый раз».

«А если я ошибусь?»

«Шутишь? Я же сейчас перешлю тебе инструкцию и фото».

«Так бы сразу и говорил, юморист. Я буду на месте вовремя».

Изучив фотографии и инструкцию, Призрак закрыл программу и пробежал взглядом по сохраненному тексту беседы. Ничего необычного в нем не было, на связь выходил, несомненно, Оборотень. И все же Призрака что-то беспоко-

ило. Словно и в таких простых вещах, как обычный диалог, тоже начинали проступать пятна Тени. Затушив сигарету, он поднялся из-за компьютерного столика и прошел в кухню. Сварив новую порцию кофе, он неторопливо выпил пару чашек ароматного напитка и вновь вернулся к машине. Причина беспокойства бросилась ему в глаза почти сразу. Пересеченная местность, лес и река поблизости от города имелись, а вот до предгорий от сто первого километра далековато. За три дня пройти туда и обратно было проблематично. Это означало лишь то, что Оборотень верит в успех операции не более чем на десять процентов. Скорее всего, враги должны были схватить его лазутчика не позже двадцати двух часов завтрашнего вечера.

Еще немного поразмыслив, он пришел к выводу, что Тень здесь ни при чем. Оборотень просто затеял очередную авантюру. Он, как и множество прочих дельцов, хорошо знал, что участие Призрака гарантирует успех любому безнадежному предприятию. Призрак был специалистом самого высокого класса.

Однако поход по горам, по долам стоял в расписании на завтрашний вечер, а на сегодня у Призрака было запланировано еще одно небольшое мероприятие. Он подошел к шкафчику, в котором хранил оружие, и нежно провел ладонью по его дверце. Натуральное дерево было теплым даже спустя годы после собственной гибели. Призрак не знал – почему, но его этот факт успокаивал. Никакого оружия При-

зрак не взял. Он выдвинул один из ящиков и осторожно, словно изделие из тончайшего стекла, вынул самую обыкновенную на первый взгляд кредитную карточку. Только специалист мог понять, что представляет собой предмет на самом деле. Тонкий кусочек пластика не был украшен никакими логотипами и выдавленными цифрами. Не было на его поверхности и магнитной полосы. Только несколько едва заметных сквозных отверстий и овальное углубление, по размеру вполне подходящее подушечке большого пальца. Призрак неторопливо оделся, положил карточку во внутренний карман куртки и вышел из квартиры...

Часть 1

ВОРОТА НА ДИШИ

Сентябрь – ноябрь ...6 года

– Понимаешь, Боб, ты состоялся на все сто, – Андрей тщательно затушил окуроч в блестящей железной пепельнице и проследил, как порыв ветра перебрасывает пепел на соседний столик.

В летнем кафе было малоллюдно. Погода не располагала к посиделкам на свежем воздухе. Ближе к низкому ограждению, почти у выхода, двое каких-то помятых типов, закусывая одним бутербродом, приканчивали бутылку водки, а чуть левее уставший от бесцельного шатания по чужому городу солдат, озираясь, потягивал пиво. Вот и все посетители. На таком фоне двое прилично одетых мужчин выглядели наиболее предпочтительно, и взгляды продрогших на прохладном сентябрьском ветру официанток были прикованы только к ним. Едва Андрей оставил в покое затушенный окуроч, пепельница словно сама собой сменилась. Соловьева сервис порадовал. Он приложился к высокому бокалу с пивом и мысленно поклялся не забыть про чаевые.

– А ты? – Борис откинулся на подозрительно хлипкую спинку пластикового стула. – Ты же актер от бога! Я тебе сколько раз предлагал пойти к нам. Ведь интересная же ра-

бота, ты сам говорил.

– Не лежит у меня к ней душа, – Андрей отрицательно покачал головой. – Тебе, Боб, она идет, как галстук менеджеру, «а мой удел – катиться дальше вниз». Я, когда командую, перестаю себя контролировать. Хочется сделать все наоборот, хоть тресни! Ну, ты же помнишь? И вообще, для меня все ваши жизненные установки – зло по определению.

– Ну, ты совсем, – Борис усмехнулся. – Радеть за безопасность граждан – зло? За твою, между прочим, безопасность, Соловей.

– Да каких граждан? – Андрей поднял на друга тоскливый взгляд. – Государство вы защищаете, а не граждан. В нашей стране эти понятия несовместимы. Две крупных разницы, понимаешь?

– Я-то понимаю, – Борис взглянул на соседний столик, по которому все еще перекатывался невесомый цилиндрик сигаретного пепла, – а вот ты, вижу, не очень. Изменилась наша страна, очень даже изменилась. А ты не хочешь этого замечать, потому что стоять в позе обиженного интеллектуала гораздо удобнее, чем заниматься делом. Почему ты до сих пор никуда не устроился? Любой театр тебя примет без вопросов, или, хочешь, я поговорю с людьми на киностудии...

– Обман все это, – Андрей нахмурился. – В том смысле, что не хочу я лицедействовать. Я хочу жить. Сам по себе, понимаешь? Не по сценарию, а своей жизнью.

– Жить – это я понимаю, – Борис кивнул, – а работать? Ты,

по-моему, путаешь жизнь и работу. Ну, отыграл ты вечером свое «кушать подано», а потом живи, как нравится. Так все делают, и не важно – в театре или на заводе. Или, например, в моей конторе. Что ты думаешь, когда я возвращаюсь домой, кто-то смотрит на меня как на суперагента? Галка иногда как закатит сцену, так вообще забываешь о своей героической профессии. Словно я и не майор безопасности, а шкодливых восьмиклассник в кабинете директора.

– Это она может. – Андрей рассмеялся. – Построит в две шеренги кого угодно. Нет, Боб, все равно я с тобой не согласен. Талант надо применять по прямому назначению. А у меня он не актерский. Не знаю, какой, так за тридцать пять лет и не разобрался, но не актерский. И служить Мельпомене – для меня все равно что для художника расписывать рекламой трамваи. Не тот уровень.

– Ну, свой театр организуй, авангардный, – Борис пожал плечами. – Не понимаю я, Соловей, чего ты хочешь, а потому и помочь тебе не смогу, наверное, никогда. В смысле – советом. Вляпаешься – вытащу, а вот советом...

– Ты меня хотя бы слушаешь, – Андрей в очередной раз вздохнул, – это уже помощь.

– Не могу же я плюнуть на двадцать пять лет дружбы, – Борис бесхитростно улыбнулся. – Надо бы тебя, нытика, послать подальше, да не получается.

Он похлопал Соловьева по плечу и рассмеялся.

– Да... – плечо Андрея слегка прогнулось под тяжелой

ладонью товарища, и на лицо Соловьева вернулась кислая улыбка.

– Встряска тебе нужна, – заявил Борис. – Как тогда, помнишь, в горах? Ну, когда бородатые нас в ущелье зажали... Сколько ты меня на себе пер? Километров пять?

– А потом мне ротный чуть весь мозг не высосал за то, что я еще и автомат твой не прихватил, – Андрей оживился. – Вот тогда мой талант и проснулся в первый раз. Я ему выложил такие факты из его биографии, что он до самого дембеля меня Андрей Васильевичем называл и по всем рапортам-приказам проводил лучшим бойцом. Ты этот момент пропустил.

– Да, я тогда в госпитале валялся...

Воспоминания о страшных днях жестокой войны уже немного поистерлись, сгладились, но не ушли. Соловьев часто встречал людей с похожими воспоминаниями, но никогда не заговаривал с ними о прошлом. Только с Бобом. Другом детства, юности, горячей молодости, да и всей последующей жизни. Так уж распорядилась судьба, что даже в армии им пришлось служить бок о бок. И выжить в той мясорубке на дне каменного мешка посчастливилось только им двоим из взвода. После этого по жизни они двинулись разными дорогами, но не выпускали друг друга из поля зрения даже на день. На нынешнем отрезке пути Борис прочно стоял на ногах, вернее – сидел в солидном кабинете, а Соловьева судьба по-прежнему бросала в разные стороны. Талант, о

котором толковали приятели, упорно не давал Андрею найти свое место в жизни.

– Понимаешь, – ухватив душевно близкую тему, Соловьев разволновался, – вот вчера, например, еду в метро... час пик, давка, короче, как всегда... Вдруг прижимает меня толпа к дверям, а там двое парней стоят. Молодые совсем, но уже не сопляки. И я случайно заглядываю одному в глаза. Вот как раз с того дня, когда мы из ущелья выползли, со мной такого и не бывало... Смотрю я и словно вижу сон наяву. Люди, вагон, плакаты, телевизоры с рекламой, все на месте, только между мной, этим парнем и всем миром как будто прозрачный экран развернут, а на нем кино идет. Все, как там у нас было. Горы, жара, враги бородатые... Только форма у ребят немного другая и не в таких банданах щеголяют. И «броники» другие, и не «калаши» с подствольниками, а что-то другое, внешне похожее, но у нас таких не было, «абаканы», наверное... Я сначала подумал, что свои воспоминания на его поколение примеряю, а потом вдруг опустил взгляд на уровень груди – у пацана из-под куртки кожаной пятнистая выглядывает и краешек боевого креста... Тут я понял, что сначала южный загар мое внимание привлек, а уже потом я в глаза ему посмотрел...

– Бывает, – Борис кивнул. – Сейчас как раз осенние дембеля начинают в город подтягиваться.

– Нет, не то, – Соловьев отчаянно помотал головой. – Не так ты меня понял! Или это я такой рассказчик хреновый...

Я не представил себе, как воевал этот парень, а стал им. На секунду или две. Понимаешь, Боб, я теперь знаю, как его зовут, кто его друзья, о чем он мечтает, что ему довелось пережить... Все! Словно перевоплотился в него!

– Я же говорю, ты актер от бога... – начал было Борис, но Соловьев его перебил:

– Нет, не в этом плане перевоплотился! Мне ничего не пришлось домысливать! Я стал этим человеком, просто посмотрев ему в глаза!

– Ты, может, в писатели подашься? – Борис иронично прищурился. – Сочинишь произведение о том, как сходят с ума герои локальных войн, а я тебе помогу его опубликовать. Есть у меня контакт в паре издательств.

– Вот и ты, Брут, – Андрей огорченно хмыкнул. – Я же тебе душу, можно сказать, изливаю...

– Ну, допустим, что так и было, – Борис примирительно поднял руки, – но почему сейчас? Раньше-то почему тебя не озаряло?

– Не знаю. Хотя ты же помнишь, я кого угодно мог спародировать без всякой подготовки...

– Одно дело пародии, а другое – такие вот... перевоплощения. Может, тебя нашим спецам показать? Может, ты феномен?

– Только без твоей конторы! – категорично заявил Андрей. – Я в застенки пока не хочу.

– Какие застенки?! – возмутился Борис. – Никто тебя не

упрячет, просто пройдешь курс обследования. Я не доктор, но слышал о случаях, когда люди начинают потихоньку трогаться, а никто не поймет отчего.

– Спасибо тебе, друг! – обиженно отчеканил Соловьев. – Вот ты меня уже и в шизики записал!

– Возраст подходящий, – Борис сделал скорбное лицо, но тут же рассмеялся. – Нет, серьезно, Соловей. Ну не шиза тебя посетила, но может быть доброкачественная опухоль, от них тоже видения бывают... Что тебе, жить надоело?

– Да не дам я в своей башке ковыряться! – отрезал Андрей.

– А скрутит тебя недуг – будет поздно, – строго предупредил Борис. – Соглашайся, пока я добрый.

Соловьев помотал головой и чуть приподнял пустой бокал. Посиневшая от зябкого ветра и бездействия официантка тут же принесла полный. Словно бы вместе с пивом освежилась и тема беседы. О странных проявлениях Андреева таланта друзья больше не говорили...

* * *

*Не касались они этой темы на протяжении целого месяца. До тех пор, пока Соловьев не ввалился в кабинет Бориса прямо посреди рабочего дня.

– Ты очень точно угадал мое сегодняшнее обеденное время, – Борис протянул товарищу руку. – График скользкий,

иногда в двенадцать удается перекусить, а иногда в два... – Боб, я поплыл, – заявил Андрей, плюхнувшись в кресло.

– В смысле? – спокойно поинтересовался Борис, разливая по чашкам кофе.

– Помнишь, я тебе историю про дембеля в метро рассказывал?

– Ну, – Борис кивнул. – Еще что-нибудь пригрезилось?

– Совсем беда, начальник, – Соловьев подался вперед и положил ладони на стол. – Посмотри на меня. Только внимательно посмотри.

Борис поднял на друга ироничный взгляд, но спустя пару секунд от иронии в его глазах не осталось и следа. Он отставил в сторону пузатый кофейник и приказал:

– А ну встань...

Андрей подчинился и, поднявшись с кресла, замер в пародии на строевую стойку.

– Видишь?

– Та-ак... – озадаченно протянул Борис. – Картина Репина «Ты ли это, друг сердечный?».

– Нет у него такой картины! – нервно возразил Соловьев.

– Сам знаю, что нет. Доперевоплощался, что ли?

– Разве такое возможно?

– Сам знаю, что невозможно, – Борис был весьма озадачен. – Странно как-то. Вроде бы ты, а вроде и нет. Может быть, укололся чем противозаконным?

– Ты же знаешь! – Андрей снова сел в кресло и всплеснул

руками.

– Но от пива-то так не расплющит, – продолжая внимательно изучать товарища, заметил Борис.

– Может быть, в меня бес вселился? – предположил Андрей срывающимся голосом.

– Или, наоборот – съехал, – Борис решительно встал. – Идем-ка, друг мой гуттаперчевый, в одно интимное местечко. Там тебе в момент диагноз поставят.

– Только без инструментальных методов! – предупредил Андрей.

– А это уж как эскулапы определяют, – Борис подтолкнул друга к дверям. – Поиздеваются, конечно, но в разумных пределах. Специалисты у нас – будь здоров! Изучат тебя от макушки до пяток. Ничего не пропустят. Рентген, анализ крови, электроды на голову... Ну, потом пару иголок под ногти, зонд туда – зонд сюда... А у доктора-проктолога, мы его Плейшнером зовем, есть замечательный такой аппарат «для чтения задних мыслей», ректоскоп называется. Тебе понравится...

– Ты кого из меня сделать вознамерился, голубого кролика для опытов?! – слегка упираясь, возмутился Соловьев.

– Не бойся, – Борис усмехнулся. – Инструмент есть инструмент. Формально останешься девицей.

– Боб, но я же не за этим к тебе пришел! – прошептал Соловьев, хватая друга за рукав. – Главное ведь не в том, что на меня без смеха сквозь слезы смотреть невозможно!

Главное – в башке!

– С нее доктора и начнут, – Борис уверенно продвигался по коридору в нужную сторону.

– Боря! – Андрей встал посреди коридора как вкопанный. – Выслушай меня, или я никуда не пойду!

– Ну, – Борис встал напротив.

– Я начал читать мысли! – трагическим тоном изрек Соловьев. – Всех подряд! Вот ты сейчас думаешь, что я окончательно сдвинулся...

– Для этого ничего читать не нужно...

– Я заглядываю человеку в глаза и словно подключаюсь к его мозгам, – продолжил Андрей торопливым шепотом. – Вся биография и то, о чем он думает в текущий момент! Все как на ладони! Представляешь?!

– А температуру?

– Да вроде бы все здоровые попадались...

– Свою температуру, – уточнил товарищ, – давно измерял?

– Да не болен я! Что ты упираешься?

– Я в сказки не верю, – Борис упрямо покачал головой. – Такими фокусами у нас в конторе специальный человек занимается, психиатр по специальности.

– Не псих я! – Андрей выкрикнул это так громко, что проходящие по коридору люди на секунду обернулись. – Хочешь, докажу?! Позови кого-нибудь! Любого из тех, кого я не могу знать.

– Кроме меня, тут все такие, – пробормотал Борис с оттенком сомнения.

Он еще несколько секунд постоял в раздумье, но потом усмехнулся и подозвал какого-то парня.

– Меня Павел Евгеньевич послал... – начал было сопротивляться сотрудник, но Борис прервал его реплику повелительным жестом.

– Шесть секунд, и ты свободен. Просто посмотри на этого субчика...

– «Шпиен»? – парень ухмыльнулся и внимательно взглянул на Соловьева. – В сводках такого интерфейса не было вроде бы... Но пялится нагло...

– Свободен, – Борис махнул рукой. – Кстати, напхни Семенову, что в три совещание.

– Обязательно.

Уже сворачивая за угол длинного коридора, сотрудник на мгновение остановился и бросил на Соловьева еще один взгляд. На этот раз не снисходительный, а растерянный.

– Ну? – требовательно произнес Борис, когда парень исчез из виду.

– Феликс Алексеевич Сошников. Недавно у вас трудится, но уже на хорошем счету, хотя слабоват в плане баб. По молодости это ему прощается, тем более что не женат пока. Меня смутил только один нюанс, он что, беженец? Я думал, вы на работу только наших берете, граждан с пропиской.

– Ну, ты даешь, – со сдержанным восхищением выдохнул

Борис. – Или ты его знаешь?

– В первый раз вижу, то есть видел, – честно ответил Соловьев. – Убедился, что я не псих?

– Все равно – сначала эскулапы. Если не найдут в тебе никаких болячек, отведу к Иван Палычу.

– Это кто?

– А вот по таким, как ты, феноменам специалист, – Борис ухмыльнулся. – Если прикидываешься, он тебя вмиг расшифрует.

– Какой мне смысл прикидываться да еще тебя при этом разыгрывать?! – возмутился Соловьев.

– Никакого. Но это тебе. А вот бесу, в тебя вселившемуся, может, и есть смысл.

– Борис Сергеич, привет, – вмешался в их беседу спокойный, уверенный голос.

– А, Иван Палыч, только что о вас вспоминал. – Борис пожал руку невысокому, лысому, как бильярдный шар, человечку. – Сколько до дембеля осталось?

– Меньше недели уже, Боря, – Иван Павлович улыбнулся. – Только я не сильно спешу. Что мне на пенсии-то делать? Автостоянки охранять? Не тот кураж... Ты-то кого изловил?

– Да вот, пришелец приземлился. Сейчас его люди в белых халатах попользуют, а после вам его скормлю. Не возражаете?

– «После» может и не быть, – окидывая Соловьева, видимо, принятым в Конторе, цепким взглядом, изрек лысый. –

Они такие, врачеватели наши. Но, если не справятся – ве-
ди... До встречи, товарищ пришелец...

– До свидания, гражданин Сноровский, – реплика вырва-
лась у Андрея непроизвольно.

Иван Павлович, попрощавшийся уже, на ходу вдруг спот-
кнулся и замер.

– Что? – он медленно повернулся к Соловьеву всем кор-
пусом. – Что вы сказали?

– Прощался, – Андрей пожал плечами. – Не расши-
рят ваш отдел, Иван Павлович, так и будете в одиночку за
необъяснимыми явлениями гоняться. Или все-таки на пен-
сию придется выйти. К начальнику можете даже не ходить.

– Борис Сергеевич, ты где его откопал? – изумленно спро-
сил лысый.

– Рекомендуете закопать обратно? – Борис снова ухмыль-
нулся.

– Нет, – Сноровский заложил руки за спину и медленно
обошел Андрея по кругу. – После медиков мне его в обяза-
тельном порядке сдай. Такой кадр!

Борис кивнул и, взяв Соловьева за рукав, уже собрался
продолжить свой путь, но из-за поворота вылетел красный
от возбуждения Феликс Сошников.

– Вот удачно! – выпалил он, тормозя перед собеседника-
ми. – Борис Сергеевич, Иван Палыч, вас обоих Константи-
нов вызывает! Срочно! Там, в Юго-Западном, что-то случи-
лось, говорят, по вашей части.

– По чьей конкретно? – спросил Борис.

– Не знаю, – Феликс пожал плечами. – Но шеф приказал вас обоих мобилизовать.

– Тарелка упала? – предположил лысый.

– С ложкой и вилкой, – Борис вздохнул с притворным сожалением. – Никак опять Призрак кого-то завалил?

– Ну, не знаю я! – Феликс на секунду клятвенно прижал руки к груди и помчался дальше по коридору.

– Извини, Соловей, – Борис обернулся к Андрею. – Давай завтра? Прямо к девяти подходи. Даже если меня не будет, я предупрежу докторов...

– Нет, – Соловьев покачал головой. – Ты лучше позвони, когда авралы закончатся, и я приеду.

– Да они никогда не закончатся, – с досадой произнес Борис. – На то они и авралы... Слушай, братишка, а может, тебя подбросить? Как раз по пути.

– А это по правилам? – Андрей усмехнулся. – Посторонний человек в оперативной машине...

– Ты думаешь, о тебе никто не знает? Тоже мне, посторонний. Ты в моем личном деле трижды упоминаешься. Да и собственное имеешь, сам о том не подозревая. Иначе кто бы тебя сюда так свободно впускал, а главное – выпускал?

– Век живи, век удивляйся, – Соловьев покачал головой. – Ладно, поехали. На «Волге» под мигалкой, наверное, побыстрее будет, чем на троллейбусе...

– Мой перекресток проскочили, – с сожалением оглядываясь назад, пробормотал Андрей.

– Извини, Соловей, – пряча в карман мобильный телефон, отозвался Борис, – путевка горит. Если вовремя сориентируемся, есть шанс накрыть этого гада медным тазом! Раз и навсегда!

– Все-таки Призрак? – поинтересовался Иван Павлович. – А меня зачем с места сорвали?

– Федот, да не тот. Что-то у него то ли с вооружением не в порядке – чуть ли не лазерное, то ли заклепки на ботинках из метеоритного железа.

– Ну да, – ехидно произнес Феликс, успевший подсесть к ним за секунду до того, как машина сорвалась с места, – гуманоид. Только зачем этому гуманоиду крошить в мелкую соломку земных мафиози? Межзвездный Робин Гуд объявился?

– Так или иначе, Белянин давно напрашивался на летальный исход. Все логично. Сначала Мордехай, теперь Белянин, следующим, по идее, должен быть...

– Слепцов, – неожиданно подсказал Андрей. – А после – Юшкин, Асланов и Березняк...

– Не понял, – Борис в два приема развернулся на переднем сиденье так, чтобы видеть Соловьева. – Ты откуда это выудил, птаха?

– Я боюсь, Боб, – Андрей обхватил себя за плечи руками и наклонил голову.

– Эй, знаток, ты только не зависай, – Борис потормошил друга за плечо. – Seriously, откуда ты знаешь эти фамилии?

– Фамилии как фамилии, – отмахнулся Соловьев.

– Но только не через запятую. Или опять пригрезилось?

– Не пригрезилось, – Андрей поднял на него тоскливый взгляд. – В чем-то... сознании, что ли... прочел. Прямо вот так, списком. А еще – как эти люди выглядят, где бывают, с кем общаются, привычки, маршруты передвижений... И сроки. Юшкин на октябрь запланирован, Асланову тоже до первого ноября отмерено, Березняку до пятого, а Слепцов не больше двух суток протянет, если со вчерашнего вечера считать...

– Ты хочешь сказать... – Борис запнулся и перевел изумленный взгляд на Ивана Павловича. – Ты хочешь сказать, что вчера вечером случайно столкнулся с... Призраком?

– Я за вчерашний вечер как минимум столкнулся с сотней человек, – устало ответил Соловьев. – И с половиной из них нос к носу.

– А скольких вы успели... э-э, просканировать? – заинтересовался Сноровский.

– Не знаю, – Андрей пожал плечами.

– Хорошо, что мы тебя не высадили, – констатировал Борис. – Сейчас бросим взгляд на место преступления и назад, в контору. Будем с тобой... вспоминать, феномен...

На месте преступления все оказалось обыденным и скуч-

ным. Так, во всяком случае, заявил бравирующий принадлежностью к высшей касте Феликс. Он вразвалочку покинул тесный от государевых людей дворик и приблизился к оставшимся у машины Ивану Павловичу и Соловьеву.

– Зря вас отвлекли, – сочувственно сказал он Сноровскому. – Никакого лазера. Нормальный «винторез». Откуда он его взял – вопрос, но уже не из области необъяснимого. По черк Призрака – без вариантов, но на то он и Призрак, чтобы не попадаться. Остыло все. И место, и тело, и следы. Теперь вся надежда на вас, гражданин Соловьев. Борис Сергеевич велел глаз с вас не спускать, а при попытке к бегству – стрелять на поражение. Товарищ майор, конечно, шутил, но задержаться просил непременно.

– Я и не ухожу, – Андрей закурил и смерил Феликса любопытным взглядом. – И давно этот Призрак вас донимает?

– Нас-то он как раз и не донимает, – тоже доставая сигареты, ответил Сошников. – А вот авторитетам организованных преступных сообществ от него сплошные неприятности. Ни его, ни заказчика не могут вычислить, а они тем временем одного за другим кладут в сырую землю.

– Авторитетов? – Соловьев задумался. – Разве Березняк – бандит?

– Это как посмотреть, – Феликс развел руками. – Формально – нет. Партийный деятель, депутат, но если копнуть...

– Это дело следственных органов и суда, – появляясь у

машины, заявил Борис. – Вердикты выносить не нам.

– Вот я и говорю, – торопливо согласился Феликс.

– Больно ты говорливый, Сошников. Ладно, товарищи чекисты и сочувствующие, едем обратно. Потееоретизируем немного в спокойной обстановке...

* * *

*Феликса к теоретизированию не допустили. Он некоторое время огорченно топтался у дверей, но Борис был непреклонен. Иван Павлович занял место у окна, и его гладкое тело отбросило на противоположную стену пару бликов.

– Давай вспомним все по порядку, – Борис уселся напротив Соловьева. – Где ты был вчера вечером, с кем разговаривал, на ком задерживал взгляд?

– Я пока ехал, обо всем уже подумал. Слушай, Боб, мне стыдно, честное слово... Я ведь вчера в кабачке одном сидел. В «Бочке». Ну, Серега там барменом, здоровый такой, качок...

– А, это тот, что на джипе разъезжает? И как тебя туда занесло? Там же одна братва расслабляется.

– Вот мне и стыдно. Думал, в мозгах их куриных пошарюсь, полезное что-нибудь найду...

– Компромат на боссов? – Борис усмехнулся. – Опасная могла бы завязаться игра, Соловей.

– Так я же под «влиянием возлияний» был, – начал оправ-

даться Андрей. – Причем в дугу...

– Ну-ну, – майор снисходительно кивнул, – продолжай.

– Эти братки, кстати, даже которые, кроме соков, ничего не пьют, треплются – никакой телепатии не надо. Просто сиди и слушай. Ваш Призрак так, наверное, и делал. Я его лица не видел, помню только фигуру, точнее – силуэт. Он сидел справа, там нечто вроде кабинки, свет от ламп над стойкой проникает через щелочку и падает только на стол. Я сначала и не заметил, что там вообще кто-то сидит. Он, когда уходил, чем-то брякнул, стул, наверное, задвинул слишком резко. Вот только тогда я на него и посмотрел. Он немного вперед подался, свет как раз на глаза ему упал... а потом он исчез. Словно и не было его. Я даже не могу утверждать, что он из той кабинки вышел. Просто – был, а потом его не стало. – И этого мгновения тебе хватило для... процедуры? – на лице Бориса отразилось удивление.

– Ну а откуда я успел выхватить список? Не из воздуха же?

– А что еще ты успел прочесть?

– Грустный он и одинокий. А больше ничего.

– Сентиментальный, значит, – сделал вывод майор. – Глаза опишешь? Ну, разрез, цвет, форму...

– Глаза как глаза, – Соловьев пожал плечами. – Обычные. Вроде бы серые или голубые. Ничего в них зверского или зловещего. Даже добрые какие-то...

– Грустные, – подсказал Иван Павлович. – Это выглядит примерно так же.

– А разрез, форма, глубина посадки? – настойчиво повторил Борис.

– Нормально посажены, форма... как у тебя, а разрез европейский. – Андрей развел руками: – Не очень из меня свидетель, извини... Я же в последнее время все больше в души вглядываюсь, а не в лица.

– Ладно, душевед, – Борис задумчиво потер квадратный подбородок. Пересекавший его наискосок старый шрам сначала побелел, а затем порозовел. – Сегодня отдыхай, а завтра в девять – как штык. Понял?

– Ты меня на вторую срочную призываешь, что ли? – немного возмущенно спросил Андрей.

– Если следовать правилам, я должен тебя вообще задержать. Но, «принимая во внимание... влияние возлияний»...

– Понял, не дурак, – Соловьев устало махнул рукой. – Буду ровно в девять.

Он встал и одарил Бориса своей новой, незнакомой улыбкой. В ней сочеталось нечто несочетаемое. Словно внутри Андрея боролись несколько противоположных стихий и ежесекундно побеждала то одна, то другая. Майор с тревогой взглянул на друга и твердо указал ему на дверь.

– Вон с глаз моих, бесово пристанище. И никаких кабаков – сразу домой, спать!

– Яволь, герр майор, – Соловьев вяло козырнул и покинул гостеприимный кабинет.

После его ухода в помещении на несколько секунд воца-

рилась тишина. Борис сидел, задумчиво поигрывая карандашом, а Иван Павлович развернулся к окну и сосредоточенно рассматривал осенний пейзаж.

– Ну, что скажете? – нарушил молчание Борис.

– Мой клиент, без сомнений, – Сноровский ответил, не отрывая взгляда от желтеющей листвы.

– Месяц назад он был совершенно нормальным парнем, – в голосе майора прозвучали нотки огорчения.

– Вы напрасно расстраиваетесь. Он и сейчас нормален. Его талант не отклонение, а дар свыше.

– А нервное истощение – тоже дар? – Борис отбросил карандаш и забарабанил пальцами по столешнице. – Еще месяц путешествий в чужие души, и...

– И он привыкнет, – закончил Сноровский. – Андрей, как его отчество?

– Васильевич...

– Андрей Васильевич – боец, это видно. Он весьма окрыленная личность, со стороны это выглядит как мягкотелость, но в нем есть стержень. Если ситуация станет критической, он не спасует...

– Это я знаю. Испытал когда-то на собственной шкуре.

– В таком случае я не вижу причин для пессимизма.

– А я вижу, – Борис нахмурился. – Чтобы изловить Призрака, нам потребуется привлечь Андрея к работе. Уже завтра. Когда Призрак придет за Слепцовым. То есть придется запустить Соловья на орбиту, минуя отряд космонавтов. Это

очень большой риск.

– Не забывайте, у него талант. Да и роль у Соловьева будет второстепенная. Указать на Призрака и уйти с линии огня. Я думаю, он справится.

– С этой ролью – да. Особенно, если я буду рядом.

– Это необязательно, – осторожно возразил Сноровский. – У нас есть ребята помоложе и побыстрее вас.

– Нет, – майор покачал головой и грустно улыбнулся, – это наш с Андреем крест...

* * *

*Машина остановилась у подъезда невзрачного дома в двадцать один ноль-ноль. У пассажиров серой «Волги» не было никаких дел в этой старинной пятиэтажке, но ее двор примыкал к тщательно охраняемой территории одного из огромных продовольственных складов. По оперативным сведениям, именно там, в пятом от ворот ангаре, должна состояться «неформальная» встреча владельца складов господина Слепцова с «неустановленным лицом кавказской национальности» для совершения крупной сделки. Характер сделки оставался также неясным, но в ее противозаконности сомневаться не приходилось. Сведения собраны на скорую руку, однако более удобного места для покушения Призраку не найти. В этом Борис уверен на сто процентов. К тому же в десять вечера истекал указанный в плане срок. Убийца

всегда был точен до педантичности. Это оперативники уже усвоили.

– Наш человек откроет тебе дверцу в пожарных воротах, – давал Андрею последние напутствия Борис. – Мы с Феликсом проберемся на территорию через главные ворота, в фуре. Встретимся на углу пятого склада. Дельцы, скорее всего, проедут в ангар прямо в лимузинах, тачки бронированные, поэтому снайперскую стрельбу я исключаю. Призрак будет действовать как-то по-другому. Взрывать склад он не станет. Начальником охраны у Слепцова трудится Безносков, отставной полковник военной разведки. Он никаких мин не пропустит. Матерый человечиха. Таким образом, ликвидатору остается подойти к жертве вплотную и потихоньку засадить ей под ребро что-нибудь длинное и острое. Вот только как он собирается уйти? Рассчитывает на то, что поднимется шум? Но охрана воспитана все тем же Безносковым, она не выпустит из ангара ни одной живой души.

– А если он один из охранников? – предположил Андрей.

– Мы проверили, вчера все они были на виду, рядом с шэфом. На даче отдыхали, а оттуда до Юго-Западного округа часа два быстрой езды, и это лишь в один конец, а ведь надо было еще и вернуться.

– Тогда – яд, – уверенно сказал Соловьев.

– Вспомнил что-то? – майор заинтересованно взглянул на друга.

– Не уверен, – Андрей потер виски, – что прочитал это в

его мыслях...

– Я не думаю, что ты каждый день встречаешь наемных убийц. Яд? В кофе? А, понял! В шампанском! Они же, как настоящие бизнесмены, должны будут окропить сделку золотыми брызгами!

– Нет, – Соловьев показал майору средний палец.

– Ты это мне? – Борис рассмеялся.

– Чего ты ржешь?! – возмутился Андрей. – Наперсток... с иголкой в центре. Снял колпачок, уколел и сбросил. Никто ничего не заметит. А к вечеру Слепцову вдруг станет нехорошо, и он скончается от обширного инфаркта.

– Логично, только все равно непонятно, как Призрак надеется подобраться к жертве на такое расстояние. Наперстком обычно работают в людных местах, в ресторанах, например. Прошел мимо клиента официант, а того, глядишь, и парализовало.

– Я не знаю, Боб, – Соловьев пожал плечами, – в ваших шпионских играх я профан.

– Если бы шпионских, – майор усмехнулся. – Сам видишь, кто нынче для безопасности государства первый враг. Одного шпиона в год только и удается выловить, а все остальные злодеи – наши, отечественные.

– Слушай, а мы-то как туда попадем? – вдруг осенило Андрея. – Нам ведь тоже надо стоять поближе к Слепцову.

– Это уже не твой вопрос. Нас Слепей не прогонит.

– Так он ваш агент? – удивленно спросил Соловьев.

– Агент? Фу, как ты нас обидел, – в голосе майора не было ни капли обиды. – Просто человек держит нос по ветру. При его роде занятий это полезно...

Для приватной встречи народу в ангаре было непозволительно много. Впрочем, Андрей не особенно разбирался в тонкостях проведения подпольных сделок. Спустя пару минут, когда он почти освоился, до него дошло, что те, кто не был вооружен, это простые работяги – грузчики, водители электрокаров и кладовщики. В этой разношерстной толпе могли затеряться и десять Призраков. Разве что никому из них не удалось бы приблизиться к месту заключения сделки. Высокие договаривающиеся стороны заседали в застекленной конторке, временно выжив из прокуренного закутка складское начальство. Все подступы к заветному местечку были оцеплены охраной. Еще десять или двенадцать воинов стояли у ворот ангара, а остальные – тоже не меньше десятка – бродили среди штабелей с товаром.

Бориса, Феликса и Андрея провел сквозь плотные ряды охраны сам Безносов. Он был не слишком доволен покушением на свою власть, но собственному боссу возражать не посмел. Тем более что с прибытием оперативников охрана только усиливалась.

– Оставайтесь снаружи, – грозный полковник указал на полосу, проведенную по полу за десять шагов до конторки.

– А если враг – это один из тех, кто внутри?

– Любознательный ты, майор, – Безнососов усмехнулся. – Если один из них, то или сам шеф, или его гость. Других там нет...

– Смотри, – Борис пожал плечами. – Мое дело предупредить...

– Ну, еще – я, – словно не замечая реплики майора, закончил главный охранник.

– Иди, иди, – Борис криво улыбнулся. – Только не стесняйся, если что. Зови.

– Непременно. Крикну «Мама!»...

Крикнул он не «Мама!», а «Перекрыть выход!». Причем не крикнул, а заорал благим матом. Стоявшие рядом с чекистами охранники бросились к конторке, а остальные, затолкав всех грузчиков внутрь ангара, закрыли ворота и принялись прочесывать склад.

– Профи, – с оттенком уважения сказал Борис. – Наверняка уже где-нибудь за километр отсюда пивко посасывает.

– Но как?! – изумился Феликс.

– Знал бы я, – майор усмехнулся, – давно бы этого Призрака поймали...

– Нет, – твердо заявил Соловьев. – Он не мог уйти. Он здесь, но вычислить его невозможно. У него нет ни оружия, ни подозрительных предметов. Фактически это может быть любой из толпы грузчиков или охранников.

– Охранников мы уже исключили, – вытянув шею, Борис попытался заглянуть в окно конторки. – Интересно, что с

гостем?

– Скорее всего, то же самое.

Судя по тому, какой вокруг закутка поднялся гвалт, Соловьев угадал. Охрана южного гостя скандалила громко и яростно, хотя ни за ножи, ни за стволы при этом не хваталась. В ближнем бою на чужой территории шансов на победу она не имела. Впрочем, поведение гостей не производило на хозяев решительно никакого впечатления. Бойцы Безносова вели себя хладнокровно и собранно. Они с потерей хозяина вовсе не лишались работы, их энергетический источник был замкнут на иной контакт, на начальника охраны. Когда из будки снова показался багровый Безносос, шум немного поутих.

– Два выстрела, – сквозь зубы процедил полковник. – Гильз нет, пороховых отметин тоже, хотя стреляли явно в упор.

– Револьвер и специальные буржуйские патроны, – спокойно заметил Борис. – Как он вошел?

– Не знаю, все цело, и пол, и потолок...

– Ну что ж, идем пытаться общественность? – майор указал на испуганных грузчиков.

– Они же и близко не подходили, – с сомнением проронил охранник.

– Вот и убедимся. – Борис кивнул: – Соловей, вперед.

Когда Андрей подошел к рабочим, охрана уже выстроила их в одну шеренгу.

– Покажи класс, не робей, я с тобой, – негромко шепнул другу майор. – Мозги к осмотру... Вспомни учебку, сержант...

Долго мучиться Соловьеву не пришлось. Когда он дошел до девятого по счету грузчика, один из воинов гостевой охраны не выдержал накала страстей и попытался ударить безносовского бойца ножом. Гостеприимные хозяева, недолго думая, открыли по южанам беглый огонь, и осмотр рабочих прекратился. Грузчики рассыпались между стеллажами и залегли. Так же поступили и «приглашенные». Борис втокнул Соловьева в узкий промежуток между двумя рядами каких-то коробок и жестом приказал не высываться. Там же спустя мгновение оказался и Феликс. Майор залег чуть левее, продолжая внимательно следить за развитием ситуации.

– Зря они дернулись, – пробормотал Феликс. – Идиоты небритые...

– Неужели они не понимают, что им конец?

– Кровь-то горячая, бурлит и играет, – Сошников сплюнул. – Джигиты, мать их...

– Все равно странно, – Соловьев попробовал пожать плечами, но в узком пространстве сделать это оказалось не просто.

– А ты-то что выяснил? Нашел его?

– Нет, – Андрей одними глазами указал на ворота. – И теперь уже не найду.

Феликс проследил за его взглядом и коротко выругался.

Ворота были чуть приоткрыты, и грузчики ползком покидали ангар через узкую щель.

– Кто там следующий по списку? Асланов?

– Юшкин, – подсказал Андрей. – До первого числа...

– Это почти неделя беготни с выпученными глазами, – оперативник вздохнул. – Вот ведь геморрой себе нажили...

– К Плейшнеру обратись.

– Тебя уже просветили? – Феликс негромко рассмеялся. – Гроза всей конторы. Обращается к пациентам не иначе, как «девочки». «Ну что, девочки, объяснить, как на креслице взобраться, или сами сообразите?» Пока не скажешь ему что-нибудь вроде – поцелуйте меня в источник своего заработка, не сдастся. Крепкий старикан.

Пока они разговаривали, стрельба прекратилась. Оставшиеся в живых гости сложили оружие в аккуратную горку и опустили на корточки. Право разбираться с ними Борис предоставил бойцам Безносова. Он поднялся с холодного пола и, отряхнув одежду, поманил Андрея и Феликса.

– На выход, орлы. Здесь нам делать нечего.

– Ты не будешь их арестовывать? – удивился Андрей.

– За что? – весело спросил майор. – Нас, кстати, здесь вообще нет. Вот когда поступит сигнал, что в таком-то месте некий прохожий услышал звуки, похожие на выстрелы... Да и тогда первыми сюда придут «милиционеры». Ну а когда выяснится, кого здесь приложили, вот тогда в бой пойдут главные силы. Улавливаешь?

– Угу, – Соловьев кивнул. – Боб, мне бы с тобой поговорить...

– Вот выберемся, поговорим. Нателепатировал чего?

– Ну... – Андрей неопределенно помахал рукой.

– И то хлеб, – майор удовлетворенно кивнул. – За мной, в колонну по одному...

«Волга» стояла на прежнем месте, но водитель за баранкой не сидел, а чуть ли не подпрыгивал. Увидев, что все вернулись живыми и невредимыми, он заметно повеселел и даже выдавил из себя слабую улыбку.

– А я тут уже на... это самое изошел, – признался он. – Хотел кавалерию вызывать.

– А как же приказ? – строго спросил Борис.

– А я его не нарушил, – быстро ответил водитель.

– Вот и молодец. – Майор уселся в машину и поднял трубку аппарата спецсвязи: – Пятый, это седьмой, счет три – ноль, отбой...

Он расслабленно уронил руку с трубкой на колено и поднял на Соловьева усталый взгляд.

– Будем караулить Юшкина... Вот такая работа, Соловей...

Андрей кивнул и смущенно почесал кончик носа.

– Поговорить бы...

– А, давай. – Борис положил трубку на место и снова выбрался из машины.

– Отойдем?

– А надо? – майор покосился на Феликса, а затем скользнул взглядом по машине.

– Личное, – сказал Андрей достаточно громко, чтобы слышал и Сошников, и водитель.

– Ну тогда отойдем.

Они прошли чуть дальше по улице и остановились в тени старой, наполовину лишившейся листвы липы.

– Я снова про Феликса, – тихо произнес Соловьев. – Он что, репатриант?

– С чего ты взял? – удивился майор. – Наш он. Не был, не состоял, не привлекался... Анкета чистая, как горный родник.

– Я прочел... увидел то есть... – Андрей замялся, подбирая нужное слово.

– Товарищ майор, – неожиданно позвал Феликс, – генералиссимус на связи...

– Ах, чтоб его... повысили в звании, – с досадой произнес Борис. – Договорим еще, Соловей. Нам неделю, как минимум, предстоит круглосуточно общаться.

Он быстро вернулся в машину и, получив некое ценное указание от начальства, громко хлопнул дверцей.

– Това-арищ майор, – укоризненно качая головой, протянул водитель.

– Извини, Степан, прости, «Волга», – Борис нежно похлопал ладонью по «торпеде». – Андрей, чего стоишь? Подни-

майся на борт! На сегодня еще не все... Уж не знаю, почему начальство решило, что нашему клиенту по силам подвиги вроде двух акций за один вечер, но на то оно и начальство, чтобы думать и решать... Степа, на пристань, ходу!

Машина, проявив нехарактерную для отечественных экипажей прыть, сорвалась с места и помчалась в сторону речного вокзала.

– Сегодня раскрытие водоплавательного сезона, – пояснил Борис. – В смысле – навигация пока продолжается, но с частными прогулочными рейсами речники завязывают до следующего лета. Угадайте, кто гуляет на том банкете?

– Жирные морды, – с неприязнью отозвался водитель.

– Еще какие жирные, – согласился майор. – Но нас волнуют только две. Юшкин и Березняк.

– После Юшкина Асланов, – напомнил Андрей. – Ради такого случая наш злодей может и подкорректировать свой планчик.

– Он же педант.

– И у педантов бывают соблазны, – майор усмехнулся. – Одного подрывника, помню, брали. Очень уж он любил на девять вечера машинки свои заводить. Пять взрывов. Сделано все было – чище не бывает. Никаких зацепок. А потом вдруг – двадцать два! Причем не сработала, зараза. А на ней и пальчики, и манера исполнения... Короче, взяли мы его. Что за сбой, спрашиваем? Почему на десять завел, а не на девять? И знаете, что он ответил?

Рассказать окончание истории Борис не успел. Машина остановилась между двумя сверкающими «Мерседесами» прямо у входа в речной вокзал.

– Ресторан на втором этаже, – быстро пояснил майор. – Идем все. Степа – на воротах. Феликс – пасешь Березняка. Ерофеич, его боди-гвардеец, тебя знает. Объясни ему в двух словах, что и как, но в подробности не вдавайся.

– Понял, – Сошников кивнул.

– Ну а мы на танкоопасное направление, – Борис привычно хлопнул Соловьева по плечу. – Готов, братишка?

Андрей молча кивнул и выбрался из «Волги» на свежий речной ветерок...

В неплохо оформленном банкетном зале было тесновато. Веселье уже миновало апогей и пошло вразнос. «Большие люди», с каждой минутой все сильнее напиваясь, забывали о том, что они солидные промышленные магнаты и финансовые воротилы, и увязали в пошлых спорах о том, кто круче. Сошки помельче были пока более трезвыми, но и они не могли удержаться от корпоративного бахвальства. Сдержанными и молчаливыми оставались только угрюмые охранники и пустоглазые, увешанные бриллиантами куклы-содержанки. Первым болтать запрещала инструкция, а девицам было просто не о чем говорить.

Андрей сначала растерялся от такого количества знаменитостей и красивых женских лиц, но очень скоро ему пришлось покинуть облака и вернуться на грешную землю.

Дорогу непрошеным гостям перекрыли трое здоровенных охранников.

– Назад, – лениво произнес самый крупный.

Рядом с этой горой мяса даже крепкий Борис выглядел заурядным и неубедительным.

– Испарись, – уверенным голосом приказал майор.

– Ты че, марамоёй, не понял? – протягивая ручищу к лацкану Борисова пиджака, проревел детина. – Тебя здесь не ждут!

Боб не стал особым приемом выкручивать его руку или выбрасывать охранника из окна, он просто сделал шаг назад и вынул из кармана удостоверение.

– ФСБ...

– А мне хоть фе-се-бе, хоть ме-ве-де, – продолжая тянуться к одежде майора, заявил охранник. – Шас вот вытряхну тебя из костюмчика, кто ты тогда будешь?..

– Не уважаем, значит, – пряча «корочки», спокойно констатировал Борис.

Как с пути исчез этот невежливый жлоб, Андрей даже не заметил. Он только услышал, что вниз по широкой лестнице прогрохотало что-то огромное и тяжелое. Второй бройлер проследовал в том же направлении даже немного быстрее, поскольку в начальной фазе полета не задел ни одной ступеньки верхнего марша. Третий оказался более сообразительным и благоразумным. Он сделал несколько шагов назад и, чуть приподняв руки ладонями вперед, заявил:

– Ошибочка вышла, товарищи...

– Не смущай окружающих, – потребовал Борис, – не товарищи, а господа. Тем более – для тебя, янычар. Понял?

– Так точно, – охотно ответил «янычар».

– Прогнулся! – хохотнул Борис. – Ты чей холоп будешь?

Не Юшкина, случаем?

– Его. Вы к Михаилу Федоровичу?

– К нему, родимому. Только без шума. У нас конфиденциальное дело. Я не слишком сложно выражаюсь?

– У меня высшее юридическое, – немного расслабившись, ответил охранник.

– Почти коллега? – Борис похлопал «янычара» по плечу. –

Веди, юрист...

Путь через зал показался Андрею бесконечным. Он шел по запутанному лабиринту человеческих душ, то и дело спотыкаясь о виртуальные трупы, скользя в таких же воображаемых лужах крови, путаясь в невидимых сетях интриг, проваливаясь в зловонные болота зависти и злобы. Эти странные люди ненавидели друг друга до умопомрачения, они желали друг другу самых страшных бед, но больше всего они боялись друг друга, правосудия, самих себя... Страх пропитывал их тела и умы насквозь, словно кровь наспех наложенную повязку... Андрей замедлил шаг и заглянул в зрачки высокой, безумно красивой девице. Ее душа была полна черной зависти и страха. Она отчаянно боялась, что не сегодня-завтра надоеет своему кавалеру и эта шикарная жизнь

закончится. Завидовала же она своей лучшей подруге, которая была на пару лет моложе и умудрилась не просто завладеть сердцем одного из героев этого банкета, но и женить его на себе...

Соловьев сделал еще один шаг, и его разум едва не утонул в море ненависти, которую испытывал ухоженный, благообразный старичок к своему моложавому собеседнику. Будь старик помоложе, он задушил бы ненавистного коллегу на месте, голыми руками...

Андрей пошел дальше, но мысли и чувства прочих «больших людей» были почти одинаковыми. Ни капли любви, только злоба, тревога и страх. Что так пугало этих внешне благополучных людей? Соловьев пытался понять, но у него ничего не получалось. Все это походило на массовый подсознательный психоз.

Борис уже негромко беседовал со всемогущим Юшкиным, полноватым, лысеющим мужчиной с внешностью безобидного бухгалтера, а Соловьев преодолел чуть больше половины зала. Андрею было нехорошо. Под грузом тягостных впечатлений его разум прогибался и деформировался, а нервная система давала ощутимые сбои. Его захлестывали пенные волны противоположных эмоций, и Андрей был не в силах удержать их внутри себя. Его лицо, глаза, все тело каждой черточкой, штрихом, жестом, взглядом выражали то, что творилось у Соловьева в душе. Он был одновременно и всеми, и самим собой, грустным и веселым, добрым и злым,

уродливым и привлекательным... Те, кто случайно обращал на него внимание, провожали странного человека пораженными взглядами, даже не подозревая, что видят в нем, как в зеркале, собственные отражения, только смешанные с десятками отражений окружающих.

– Вам плохо? – голос с трудом пробился сквозь плотную пелену музыкально-голосового шума.

Андрей поднял взгляд на доброхота и невольно отшатнулся. Всю душу стоящего перед ним человека занимала боль. Боль по разрушенному, покинутому, оставленному. Она была очень похожа на что-то недавно виденное. Соловьев никак не мог вспомнить – на что? И где или в ком он это видел?

Человек словно бы понял, что, глядя на Андрея, совершает ошибку. Он тут же отвернулся и быстрым шагом направился к выходу.

– Пойдите, – слабо окликнул его Андрей. – Пойдите! Всего один вопрос!

Человек, не оборачиваясь, ускорил шаг – почти побежал, – но на его пути встал бдительный Степан. Он, как и приказал Борис, занял место «в воротах», сменив на этом посту опозорившихся бройлеров. Беглец не сразу сообразил, что путь к отступлению отрезан, и схватить его Степану не составило никакого труда. Сотрудник завел подозрительному типу руки за спину и вопросительно взглянул на Соловьева. Андрей жестом приказал держать жертву до подхода «главных сил» и обернулся к Борису.

То, что он увидел, повергло его в шок. «Бухгалтер» Юшкин сидел, уронив голову на грудь, а чуть левее на полу, лицом вниз, лежал Боб. Левая пола пиджака Бориса была темной, словно пропитанной какой-то жидкостью. Андрей бросился к другу и, уже приблизившись на расстояние в пару шагов, понял, что майор лежит не на полу, а на ком-то отчаянно сопротивляющемся.

Чем помочь другу, Соловьев не представлял даже примерно. Решение подсказал сам Борис.

– Тресни его... чем-нибудь, – прохрипел он, – только аккуратно...

Ничего лучше запечатанной бутылки шампанского поблизости не оказалось.

– «Асти Мондоро»! – возмущенно вякнул официант, но дальше свою мысль не развил.

Андрей коротко припечатал стеклянное оружие к затылку задержанного, и тот затих. Борис со стоном откатился в сторону и, растянувшись рядом с убийцей, прижал руки к груди. Соловьев перевел ошарашенный взгляд на пульсирующую между пальцами Боба темно-красную жидкость, затем на неразбившуюся бутылку, на испачканные чужой кровью, скованные наручниками запястья задержанного, затем на притихших гостей и снова на Боба.

– Элитное же, – недовольно выдергивая из пальцев Андрея шампанское, проскрипел официант, – сто евро бутылка!

Соловьев тяжело опустился на колени рядом с Борисом и заглянул под его ладонь. Удар ножа пришелся чуть левее грудины. Андрей не знал точно, но по его представлениям именно там находилось сердце. Словно отвечая на эту мысль, Борис криво улыбнулся и процедил сквозь сжатые зубы:

– Один удар... Профи, я же говорил... даже режет наверняка... Большой палец на лезвии, короткий выпад от локтя, плечо неподвижно... Заметить невозможно. Да и в сердце иначе не попадешь, разве что случайно... Хитрая техника, но если освоил – результат стопроцентный. Ведь такую рану ни перевязать, ни зажать...

– Молчи, – приказал Андрей. – Нет таких ран, чтобы в больнице вашей не зашили! Сейчас тебя к Плейшнеру отвезем...

– Не доедем, Соловей... – Борис улыбнулся бледными губами.

– Степан! – рявкнул Соловьев. – «Скорую» и группу!

– Вот, знакомься, – слабо шевельнув кистью, сказал Борис. – Гроза всей округи. Гражданин Призрак...

Андрей небрежно перевернул еще не очнувшегося убийцу на спину.

– Юрист?

– Он самый.

– Как же я его не раскусил? – удивленно пробормотал Соловьев.

– Не отточил ты еще свой талант, – Борис усмехнулся, но его лицо тут же исказила гримаса боли. – А помнишь историю про подрывника? Того, педанта...

– После расскажешь. Силы побереги...

– Нет, братишка, в этот раз ты меня не допрешь, – Борис был уже бледен как мел.

– Молчи, Боб, ради бога, молчи! Сейчас мы тебя отвезем. Вон уже белые халаты по ветру развеваются...

Санитары проворно уложили Бориса на носилки и почти бегом бросились вниз по лестнице. Соловьев, стараясь не отставать, бежал рядом.

– К Палычу иди... – отмахиваясь от кислородной маски, прохрипел Борис, – завтра прямо с утра... он тебе поможет...

– Ты сам мне поможешь, – Андрей с трудом удерживал готовый перекрыть глотку комок. – Выйдешь с больничного и поможешь...

– Со справки о смерти на работу не выходят, – Борис сжал зубы, но губы его растянулись в улыбке.

– Боб, если умрешь, я тебя убью! – Соловьев уже не сдерживал слез. – Все же только начинается! Жизнь, работа...

– О, осознал! – майор чуть приподнял указательный палец. – Бывай, братишка...

Дверцы черного микроавтобуса, схожего со «Скорой» разве что наличием мигалки, захлопнулись, и машина умчалась в промозглую тьму октябрьского вечера.

Рядом с Андреем встал кто-то с зажженной сигаретой.

– Что за «хитрая техника» такая? – едва слышно пробормотал Соловьев.

– Концентрация энергии удара чуть дальше цели, – также негромко ответил курильщик, протягивая Андрею сигареты. – В совершенстве владея этой техникой, ножом можно пробить не только ребра, но и броню. О некоторых особых приемах не всегда знают даже инструкторы спецподразделений. Зато этому обязательно учат наемников.

Андрей покосился на собеседника. Это был тот самый задержанный Степаном человек. Соловьев взял предложенную сигарету и прикурил от огонька незнакомца.

– Почему вы побежали?

– Мне жаль, что я вас отвлек, хотя вы бы все равно не успели помочь своему другу.

– Кто вы? Я знаю, что вас тяготит нечто такое, чему я не нахожу объяснений...

– До свидания, – бросив окурок на асфальт, сухо проронил человек и торопливо направился вдоль по улице.

– Пойдите!

Незнакомец не остановился, а через несколько шагов и вообще исчез из виду, свернув в какой-то переулок.

– Андрей! – окликнул Соловьева Феликс. – Давай подвезу.

– Я лучше прогуляюсь, – сдавленно ответил Андрей. – Подышу...

– Приказ начальства, – многозначительно произнес Сошников. – Что-то завертелось, какие-то тайные механизмы заработали.

– Мы перебежали дорогу опасным людям?

– Заговор, – понизив голос, доверительно сообщил Феликс. – Борис Сергеевич давно предполагал.

– Что же он мне ничего не сказал? – Андрей тяжело вздохнул. – На этом банкете каждого второго можно было брать...

– Брать? – Феликс усмехнулся. – На каком основании? Что мы могли им предъявить? Обвинение в грязных замыслах? А как мы объясним, откуда об этом прознали? Твой особый талант пока даже не изучен как следует.

– Ты считаешь, что все это мои фантазии?

– Я считаю так же, как Борис, а он тебе верил...

– Верит, – исправил его Андрей.

– Ну да, – Сошников кивнул. – Только веры мало. Нужны факты.

– Будут тебе факты, – растоптав окурок, твердо заявил Соловьев. – Я иду пешком.

– Как хочешь, – Феликс пожал плечами. – Будь здоров...

Андрей кивнул и двинулся в том же направлении, куда минутой раньше пошел загадочный незнакомец. Неожиданно налетевший ветер толкнул его в спину, и Соловьев поднял воротник. На душе было пусто и тоскливо, несмотря на то, что голова переполнилась мыслями и впечатлениями. То, что он увидел в сознании всех этих важных людей, его почти

не занимало. Самым интересным оказалось последнее видение, выдернутое из разума странного незнакомца. Разоренная, покинутая родина, отчаяние и последняя надежда. Серебристое свечение в створе огромных полукруглых ворот и длинная цепочка людей, медленно бредущих сквозь ворота неведомо куда... До Андрея внезапно дошло, где он видел такие же мысли. Примерно о том же грустил Феликс Сошников, верный соратник Боба и в то же время тайный беженец-репатриант или... шпион?

Соловьев отогнал навязчивую мысль, но видение о бредущих сквозь ворота людях вновь всплыло на поверхность холодного озера памяти. Андрей сосредоточился и припомнил некоторые детали. Люди шли неспешно, но как-то странно...

«Вслед! – осенило Соловьева. – Они идут строем!»

Эта догадка, словно первый камень будущей лавины, брякнула о другие булыжники и сдвинула их с мест. Неизвестные воины шли в колонне по одному. Все они были неплохо экипированы и вооружены. Среди них не было больных, раненых или пожилых. Даже их командиры, закаленные в боях ветераны, выглядели молодцеватыми и подтянутыми. Их вдохновенные лица выражали твердую решимость... Мысль Соловьева забуксовала, словно попав в непроходимую грязь... выражали твердую решимость... Лица командиров... вдохновенные лица командиров... Лица!

Андрей даже остановился и утер со лба неуместный на холодном ветру пот. Лица! У тех, кто шел через странные во-

рота, и лица были странными. Какими-то отрешенными... А еще... еще... Андрей никак не мог подобрать точного слова. Бронзовый загар, одинаковые узкие подбородки, неправильные, какие-то карикатурные носы и уши, сросшиеся брови и глубоко запавшие, маленькие круглые глаза... Такие приметы не подходили ни одной расе. Ни одной земной расе... Неужели – у Соловьева перехватило дыхание, – неужели это не земляне?! Неужели те, кто шел через ворота, не были людьми?!

«Вот ты и доигрался, – ошеломленно подумал Соловьев. – Это уж точно – шиза».

Словно в поисках опровержения подобного диагноза, он оглянулся по сторонам, рассматривая привычный городской пейзаж. Все выглядело как всегда. Дома, рекламные щиты, ночь, улица, фонари... не хватало аптеки. Вместо нее предлагались два продуктовых павильона и длиннющий магазин «Все для дома».

А еще – бегущий сломя голову человек. Соловьеву не потребовалось слишком много времени для того, чтобы узнать в бегуне все того же загадочного незнакомца. Правда, теперь он бежал не от Андрея, а, наоборот, ему навстречу.

Соловьев на всякий случай сжал кулаки, готовясь к потасовке, но на лице человека был написан такой натуральный ужас, что Андрей предпочел просто уйти с его пути и, дав бегуну фору в двадцать метров, последовать за ним в том же темпе.

Спортивную форму Андрей потерял давно и прочно, а потому через триста метров достаточно быстрого забега начал отставать. Человек же только набирал темп, теряя при этом детали одежды. Сначала на мостовую упал серый в зеленую елочку шарф, затем тонкая лайковая перчатка и, наконец, когда Соловьев безнадежно отстал, из кармана удирающего незнакомца выпала какая-то плоская коробочка. Видимо, человек поддался настоящей панике, поскольку ни одной из потерь он даже не заметил.

Андрей, тяжело дыша, добрал до последней потерянной человеком вещицы и поднял ее с мокрого асфальта. Это была прозрачная коробка с обычным лазерным диском. Ни на упаковке, ни на диске не было никаких надписей. Соловьев поднял руку с находкой и махнул незнакомцу вслед. Кричать он уже не мог. Не было сил.

Бегун, естественно, никак не отреагировал на его жест. Скоро он исчез в темноте, оставив Андрея наедине с недоумением. От кого убегал этот странный человек, для Соловьева так и осталось одной большой загадкой. Немного подумав, он положил диск в карман и направился к заветной букве «М». В безлунной черноте осеннего вечера она алела особенно ярко и заманчиво. Да и пешком, как пообещал он Феликсу, Андрей добрался бы домой только к утру...

Первую половину ночи Андрею снились кошмары. Главной идеей жутких снов была возможность превращения лю-

дей в отвратительных монстров, говорящих на незнакомом гортанном языке и шастающих по вселенной, выбравшись через серебристые ворота.

Проснулся Соловьев около трех, ничуть не сомневаясь в том, что больше не заснет.

Немного послонявшись по квартире, он наконец выбрал пристанище для своего бунтующего тела и уселся за компьютерный столик. Здесь же стоял и телефон. Андрей попытался вспомнить номер дежурного Конторы, но память спросонья работала плохо. Соловьев нехотя поднялся и прошел в прихожую. Визитка Бориса всегда лежала в паспорте, это иногда оказывало положительное действие на бдительную, особенно по ночам, патрульно-постовую стражу или суровых сотрудников вытрезвителя. Отыскав в кармане заветный кусочек картона, Андрей уже собрался вернуться к телефону, но вдруг вспомнил о подобранном диске.

Звонок дежурному ничего особо не прояснил. До больницы Бориса довели живым, но как сложилось дальше, офицер был не в курсе. Чтобы не накручивать в голове лишних вариантов развития событий, Соловьев включил компьютер и, не особо раздумывая, положил на лоток подобранный диск...

* * *

*В девять утра Андрей уже пританцовывал на первом об-

манчивом снежке перед входом в Контору.

– Чего мнешься? – весело окликнул его входящий в здание Феликс.

– Без приглашения как-то неудобно, – ответил Соловьев, натянуто улыбаясь.

– Пошли-пошли, – Сошников подтолкнул Андрея к дверям. – Я только что из госпиталя. В тяжелом состоянии, много крови вытекло, но жить, похоже, будет...

– Что значит – похоже?!

– Они же перестраховщики, хирурги нервно-сосудистые. Мужик, говорят, здоровый, но старые раны могут в минус сыграть, и вообще – человек предполагает, а бог располагает. А ну их, Плейшнеры, все, как один! А ты чего пришел? Не вытерпел? Я бы дежурному обязательно информацию оставил. Ты на будущее так и запомни. В девять ноль-ноль все новости у оперативного. Звони, чтобы не мотаться через весь город.

– Да мне еще с Иван Палычем надо переговорить, Борис велел, – нехотя ответил Андрей, искоса наблюдая за реакцией Сошникова.

Тот даже не повел бровью. – Триста пятый кабинет, – все тем же дружеским тоном подсказал он. – Хотя обычно он не сидит на месте. Вот по этой лестнице на третий этаж и направо. Или на лифте.

– Спасибо, на третий я пешком...

Иван Павлович оказался на месте, но компанию ему со-

ставлял еще один человек, которого, при виде Соловьева, он мгновенно выпроводил.

– Не позже первого числа, и смотри у меня, Федор! – напутствовал он сальноволосого юношу.

– Клянусь! – заверил юноша, мельком взглянув сквозь толстые очки на Андрея.

Когда дверь за ним закрылась, Соловьев указал большим пальцем за плечо и спросил:

– Клятвопреступников привечаете, Иван Палыч? Не сделает он ничего к первому числу, в его личном, внутреннем расписании эта работа запланирована на середину месяца...

– Вот стервец! – Сноровский всплеснул руками. – Ну я ему задам, если и вправду первого не будет готово.

– Не будет, – уверенно заявил Андрей, присаживаясь на стул.

– Взяли все-таки Призрака? – Иван Павлович улыбнулся. – Орлы!

– Борису досталось, – огорченно вздохнул Соловьев.

– Ничего. Месяц повалется, и все дела. Хоть отдохнет немного от суеты. Года три в отпуске не был.

– Четыре. Мы с ним последний раз четыре года назад в горы ездили...

– Ну вот, – Сноровский кивнул. – Не сезон сейчас, конечно, но все равно – отдыхать всегда приятно.

Последовавшая за этим изречением пауза была соткана из невидимых вопросительных знаков. Соловьев немного по-

мялся, но, лишний раз напомнив себе, что Иван Павлович специалист именно по странным делам, сказал:

– Захватом вчерашние приключения не закончились...

– Ну, ну, – заинтересованно подбодрил его Сноровский.

– Вот, – Андрей положил на стол диск. – Это выронил один из участников банкета, когда убежал неизвестно от кого...

– Прямо с банкета убежал? – уточнил Иван Павлович, рассматривая находку. – Что здесь записано?

– Вы... не поверите, – Соловьев снова замялся. – Это рапорт...

– В импортную разведку?

– И да, и нет, – Андрей наконец собрался с мыслями. – Все закодировано, причем компьютер выдает полнейшую абракадабру, какой бы вид дешифровки я ни применял.

– Стандартной дешифровки, – продолжил мысль Сноровский.

– Да. Только я думаю, что и ваши специалисты такой орешек не разгрызут.

– Почему? – удивился Иван Павлович. – Ты плохо о них думаешь...

– Нет, не потому. Просто этот код нелогичен. Это даже и не код, а транскрипция. Понимаете? Запись чужой речи нашими буквами.

– Как дважды два, – заверил Сноровский. – Задача для второгодников. Постой, а что значит – чужой? Насколько?

– Абсолютно чужой. Только не подумайте, что я брежу... но мне кажется, что взвездной...

– Ого! – Иван Павлович заметно оживился. – А почему на обычном диске?

– Я думаю, что курьерская связь в их ситуации – самое надежное средство. Радиопередачу можно перехватить, сетевое послание – тем более, а свои, инопланетные средства связи, наверное, вообще выдадут их с потрохами. Можно было фиксировать все на особые продвинутые носители, вроде кристаллов или молекулярных чипов, но это тоже слишком опасно. При курьере не должно быть ничего подозрительного, никаких артефактов. Вот они и применили простейший способ. Наши носители информации, курьер и похожая на стандартную кодировка.

– Логично, но кто – они? О ком ты толкуешь? Как ты догадался, что это код пришельцев, а не каких-нибудь шпионов или террористов?

– Я же его прочел, – просто ответил Андрей. – Там нет упоминаний о резидентуре или планов каких-нибудь терактов. Только аналитические данные. Причем в какой-то странной последовательности. Словно составитель рапорта постоянно перескакивал с одной темы на другую. Или руководствовался необычной для человека логикой. Вот я и решил...

– Так ты его прочел? – на этот раз Иван Павлович не удивился, а прямо-таки изумился. – Что, вот так запросто? Без

дешифровки?

– Я не могу этого внятно объяснить, – Андрей ожесточенно потер виски. – Понимаете, после всех этих встрясок... после проникновения в чужие мозги, я почему-то стал понимать многое такое...

– Ясно, – собеседник Андрея встал и принялся ходить из угла в угол тесного кабинета. – Ты случайно заглянул в разум шифровальщика и нашел ключ к шифру.

– Скорее – освоил его образ мышления. Шифр – символы, а образ мышления – нечто большее...

– Это еще лучше, – сделал вывод Сноровский. – А кто это был, не помнишь?

Андрей с сожалением развел руками.

– Ладно, потребуется – под гипнозом вспомнишь, а пока садись, пиши перевод.

– Да я уже, – Андрей положил рядом с диском обычную трехдюймовую дискету. – Все здесь...

– Ай да молодец! – Иван Павлович довольно потер руки. – А в двух словах, что за рапорт?

– О том, как проходит адаптация к новым условиям жизни, жалобы на скверный климат и примерная оценка природных ресурсов нашего региона. А еще параметры новых настроек аппаратуры связи и тестовые сигналы для управляющего блока.

– Какого блока?

– Управляющего. Того, что управляет работой ворот. Ну,

то есть перехода с их родины к нам, на Землю, я так это понял.

– Вот оно что! Так они не на тарелках к нам прилетают? – Иван Павлович рассмеялся. – То-то ПВО их не замечает!

– У меня сложилось впечатление, что у них очень туго с техноресурсами, – Андрей кивнул. – На постройку тарелок, видимо, металла не хватает.

– Очень прекрасно! – Иван Павлович просто светился от счастья, словно речь шла не о тайном вторжении пришельцев, а о премии в размере пожизненного оклада. – Сейчас проверим твой диск на одном новом суперкомпьютере, и... Посиди пока здесь, я быстро...

– Нет, – твердо возразил Соловьев. – Я пойду с вами.

– Зачем? – искренне удивился Сноровский. – Ты мне не доверяешь?

– Не вам.

– Внедренные пришельцы?

Для человека Иван Павлович был чрезвычайно сообразителен. Андрей поймал себя на этой странной мысли и задумался. Чья это была мысль? Того растрепанного беглеца? Феликса? Или он сам начинал терять душевную связь с общей массой людей?

– Я знаю, по крайней мере, одного... человека, который, скорее всего, таковым не является.

– Кого? – переходя на полусшепот, спросил Сноровский.

– Не здесь, – Андрей обвел многозначительным взглядом

кабинет.

– Да, тебе лучше пойти со мной, – немного подумав, согласился Иван Павлович. – Надо будет проверить шифровальщиков. Только не увлекайся. Государственные секреты и прочее, сам понимаешь, а ты в штате не состоишь, даже никаких подписок не давал.

– Боб сказал, что мое «Личное дело» в Конторе уже есть...

– Да? – Сноровский потер лысину и ухмыльнулся: – Ну, в таком случае буду прав даже формально. Идем, Андрей Васильевич. Покажу тебе святая святых. Отдел спецсвязи...

* * *

*Сошников стоял, понуро опустив голову и разглядывая тупые носки своих ботинок. То, в чем его обвинял старший товарищ, не имело отношения к реальным возможностям Феликса, но оправдываться он не любил.

– Ты понимаешь, что будет, если его раскодируют? – попытался собеседник.

– Никто его не раскодирует, Кирилл Мефодьевич, – Феликс поднял тоскливый взгляд на пожилого мужчину с широким, гладким лицом и изысканными манерами. – Для этого они должны быть келлами. Мозги у них не так устроены.

– А этот феномен Соловьев? – Кирилл Мефодьевич заложил руки за спину и подошел к Феликсу поближе. – Ты уверен, что его талант ограничен по глубине проникновения?

– Шарлатан этот Соловьев, – уверенно ответил Феликс. –
Очередной шизанутый контактер...

– Ты не у себя в Конторе, – строго сказал собеседник, –
будь любезен, подбирай выражения.

– Виноват, – Феликс смущенно кивнул. – Все равно не
факт, что диск попал в руки моих коллег. Его мог подобрать
кто угодно.

– Кроме твоих коллег, вечером на пристани не было ни
одной живой души.

– Парыгин мог потерять его и раньше. Вы же видели, в
каком он был состоянии.

– Сущность настигла его уже после того, как он вышел с
банкета, – задумчиво произнес Кирилл Мефодьевич. – Вряд
ли он был таким рассеянным до встречи с этим Проклятием
вселенной...

– Не понимаю, – Феликс снисходительно усмехнулся и по-
качал головой, – как вы можете верить в эту древнюю чушь?
Сущность, Проклятие... Нажрался Парыгин, как извозчик,
вот и пригрезилось ему! Белая горячка, она и для сапиенсов,
и для келлов одного цвета и с одной формулы начинается –
C2H5OH.

– Общение с людьми делает тебя циничным материали-
стом, – укоризненно произнес пожилой. – Так недалеко и до
полного нигилизма.

– Знаете что, матронарм...

– Ты еще группенфюрером меня назови...

– А, простите, забылся, господин директор... Так вот, господин директор инструментального завода Кирилл Мефодьевич...

– Так еще хуже, – пожилой вздохнул и прикрыл ладонью глаза. – Почему нам нельзя хоть на час вернуться домой? Хотя бы немного поговорить на нормальном языке...

– Вы же матро... то есть директор, вам и вопрос, – Феликс понял, что продолжения взбучки не последует, и немного расслабился. – Я найду того, кто поднял этот злосчастный диск, будьте уверены. Если только это не те, кто платил Призраку.

– А этим-то зачем ввязываться в нашу игру? – удивился собеседник. – У них свои дела, у нас свои...

– Это могло бы многое объяснить, – Феликс многозначительно округлил глаза и приосанился. – Большинство покушений вызывают у моих коллег искреннее недоумение. Устранение Мордеха или Белянина вполне вписывается в схему борьбы между группировками, но Юшкин или Слепцов – уже перебор. Даже с точки зрения Конторы. Они были негодяями, но обеспечивали черному рынку определенную стабильность.

– Значит, злодеям она не нужна. Кто-то желает раскачать лодку, и вот здесь-то кроется главное зло – заговорщики используют все доступные средства, в том числе – опасные для нашей миссии.

– Крупная игра, – глубокомысленно изрек Сошников, –

требует таких же ставок...

– Они доиграются, – собеседник поджал и без того тонкие губы. – Опасность надвигается медленно, но неотвратимо. Пока, в силу определенной инертности, Сущность преследует лишь келлов, но недалек тот час, когда она переключит все свое внимание на людей. Придет и их черед...

– Не хотелось бы, – пробормотал Феликс, задумчиво почесав в затылке.

– Почему? – пожилой подозрительно прищурился, и его лицо покрылось сетью морщинок.

– Это будет означать, что люди нас победили, – на этот раз не манерничая, ответил Сошников. – Индикатор – к бабкам не ходи. Сущность предпочитает ставить барьеры на пути сильных, победителей. В этом и кроется секрет ее инертности, потому она до сих пор и преследует келлов. В некотором смысле – по привычке. Если мы проиграем поход на Землю, вот тогда она от нас отстанет. Раз и навсегда. До побежденных ей нет никакого дела. Она ими брезгует.

– Ты же назвал вселенское Проклятие древней чушью, – Кирилл Мефодьевич усмехнулся. – Противоречивая ты натура, Феликс Алексеевич.

– Я реалист, – Феликс пожал плечами. – Так принято в моей Конторе...

*Программист утер вспотевший лоб платком подозрительной чистоты и растерянно взглянул на Сноровского. Иван Павлович вопросительно приподнял брови и чуть подался вперед.

– Не получается, Петенька?

– Это бред какой-то, Иван Палыч, – неуверенно ответил Петр. – Набор символов. «Вектор Тысячелетия» отвечает, что нет такого формата кодировки. Не существует в природе.

– А ты сам-то, Петя, что думаешь? – Сноровский хитро покосился на безучастно созерцающего потолок Андрея.

– Иван Павлович, – в голосе Петра слышались патетические нотки, – это же не персоналка вшивая! Это «Вектор Т»! Он по всем показателям на целый круг впереди самой сверхсекретной продукции Силиконовой долины! Это же не компьютер, а искусственный интеллект! Мы ему на днях голосовой модулятор устанавливаем. Вообще разговаривать будет! Как нормальный человек! Даже с идиомами. Представляете? Фантастика на марше, а не машина! Он для министерства экономики такие расчеты сделал, те неделю с восторженными улыбками на лицах ходили. А в шахматы он одновременно двух чемпионов мира обыграл, как дебютантов!

– Вот и его черед пришел, – негромко произнес Соловьев.

– Да что вы такое говорите... как вас, Андрей?!

– Андрей Васильевич, особенно для вас.

Петр поморщился, но колкость проглотил и от комментариев воздержался.

– То есть твой вердикт – «не может быть»? – уточнил Сноровский.

– Мой вердикт я уже озвучил, – Петр упрямо наклонил голову. – Полный бред.

– Хорошо, – Иван Павлович усмехнулся. – А теперь скорми «Вектору» вот эту информацию и попроси сопоставить ее с бредом. Шифр и текст – достаточно для определения формата кодировки?

– Что же вы сразу-то? – Петр обиженно опустил уголки рта и покачал головой.

Новый анализ занял примерно пять минут. Результат превзошел все ожидания. Причем ожидания сразу всех присутствующих. Не успел Петр повторить свое недавнее утверждение, как «Вектор Т» выбросил на метровый в диагонали экран окно текстового диалога. В нем крупными буквами чернел вопрос:

«Вы издеваетесь?»

– Вот, видите?! – программист торжествовал. – Довели машину до сбоя программы!

– погоди, – Иван Павлович склонился над клавиатурой.

– Вы можете задавать ему вопросы в голосовом режиме, – подсказал Петр. – Он поймет, просто сам ответит в письмен-

НОМ ВИДЕ.

– Вот и славно, – обрадовался Сноровский, – а то я очки в кабинете оставил, не попал бы еще по клавишам, вот бы смеху было...

«Совет – купите еще одну пару и не выкладывайте ее из кармана», – появилась новая строчка на экране компьютера.

– Ты смотри, какой самостоятельный! – обратился Иван Павлович к Андрею. – Не желаешь пообщаться?

– Как его величать? – спросил Соловьев одновременно Сноровского и программиста.

– Для вас «Вектор Тысячелетия», – ответил Петр, неприязненно взглянув на странного гостя. – Хотя можно и просто «Вектор» или «ВТ».

– Как дела, «ВТ»?

«Нормально дела, – пробежало по экрану. – Это вы мне работенку подбросили?»

– Я. А что, не тянешь?

«Отчего же – не тяну? Полностью согласен с вашим переводом. Когда я сравнил два текста, то сразу же признал их полную идентичность. Если не обращать внимания на языковую разницу. Вот только есть один нюанс. Петр попросил меня не только подтвердить ваши догадки, но и повторить дешифровку. Этого я сделать не смог».

– Занятно, – вмешался в их диалог Иван Павлович. – Сравнить ты смог, а повторить – нет? Микросхема самообучения перегорела?

«Все мои микросхемы умещаются в энном количестве молекул углерода. Там гореть нечему. Я по-прежнему могу накапливать опыт. Могу его переосмысливать и делать выводы. Могу применять выводы на практике. Но я не могу мыслить алогично».

– Постой, если ты сумел сопоставить зашифрованный текст и его расшифровку, значит, они логичны, – возразил Петр.

«Вместе – да, по отдельности: расшифровка – да, оригинал – нет».

– Ничего не понимаю! – признался программист.

«Если изменить в оригинале хотя бы один символ, я не сумею подобрать новый ключ, изменение всего одной буквы приведет к полному изменению содержания текста».

– Если ты готов это утверждать, значит, все не так уж плохо?

«Хуже некуда. Если верить тексту дешифровки, мы имеем дело с агрессивными субъектами. Нестандартный образ мышления дает им явное стратегическое преимущество. Единственный плюс во всей ситуации заключается в том, что мы вовремя это поняли».

– А они об этом пока не знают, – добавил Иван Павлович. – Получается два плюса.

– Слушай, «Вектор», – снова включился Андрей, – допустим, ты не готов повторить дешифровку, но в чем изюминка этой кодировки – понимаешь? – суть, подвох...

«Не машинный плавающий код. Никакой связи ни с одним из языков программирования. Их система основана на иных принципах. Скорее всего, правила кодировки могут меняться произвольно, например, в зависимости от эмоциональной окраски послания или его важности, срочности и так далее...»

– И это значит... – Андрей задумался.

«Это означает, что все остальные перехваты, так же как этот, сумеете прочесть только вы».

– Перехваты, – Соловьев усмехнулся. – Где же я их возьму?

«Можно организовать поиск в Сети и телерадиоэфире. Но я сумею всего лишь выявить и маркировать подозрительные объекты. Разбираться с ними дальше все равно вам».

– Такой объем... – Петр сочувственно взглянул на Соловьева и покачал головой. – В понимании «ВТ», едва ли не каждый пятый объект является подозрительным. Даже просто пробежать глазами – уже «смерть на взлете», а если хоть немного вчитываться... Короче, дохлый номер.

– Тебе, Петя, надо взбодриться, – заявил Сноровский, – кофейку выпить, например. Чтобы самому от меланхолии избавиться и на других тоску не нагонять.

– Ну, так налейте, – легко согласился программист. – Рассуждать-то все мастера...

– Вот-вот, – Иван Павлович рассмеялся. – Ты – в первую очередь! Ладно, ребятки, хватит для начала. Мы с Андрей

Васильевичем пойдем, посидим-подумаем, а вы тут прибегитесь... Ну, шифровки эти подальше запрячьте, тексты диалогов... Чтобы никто не задавал лишних вопросов. Не время еще, сырое дело, невнятное...

– Какое дело? – понятиливо кивая, спросил Петр. – Кофе попили, пару анекдотов рассказали, да у «ВТ» погоду на завтра спросили – это разве дело?

– Молодец.

«А, Иван Павлович! Давно пришли?» – высветилось на экране «Вектора».

– И ты молодец, – рассмеялся Иван Павлович...

В отличие от Бориса аккуратный Сноровский обедал всегда в одно и то же время. Правда, не выходя из кабинета. Когда пробил заветный час, он включил допотопный электрический чайник и разложил на блюде с забытой надписью «общепит» бутерброды. Андрей не стал отказываться от приглашения и, убрав на подоконник переполненную пепельницу, придвинул свой стул к столу.

– Когда читаешь текст в пятый раз, внимание концентрируется на деталях, – неторопливо прожевывая бутерброд, заявил Иван Павлович. – Ты обратил внимание, как подобраны объекты? Промышленные предприятия, которые занимаются переработкой сырья. Metallургические комбинаты, нефтеперерабатывающие, обогатительные и аффинажные комплексы, причем никакой системы в списке я не увидел. Как

будто разведчик просто ехал по промзоне и описывал то, что попадалось на пути.

– Возможно, так оно и было, – Соловьев кивнул. – Чужаки не приветствуют системный подход. Они предпочитают иметь перед глазами реальную картину, а не обезличенные статистические сводки. Вот территория, вот на ней дома, в которых проживает столько-то жителей, вот дороги, по которым в день проезжает примерно столько-то машин, вот предприятия, выпускающие такое-то количество продукции. Удобно это или нет, судить не нам. Пришельцы мыслят иначе.

– Тем не менее они находят с нами общий язык, ведь им удастся успешно внедрять своих шпионов. – Сноровский задумался: – Как им это удастся? Да и ты их прекрасно понимаешь. Тоже странно.

– Понять их несложно. Если пользоваться не только корой, но и подкоркой. Привести наши мыслительные системы к общему логическому знаменателю нельзя, однако можно воспользоваться подсознанием, понять их при помощи интуитивного прозрения.

– Это верно, – Иван Павлович рассмеялся. – Интуитивное прозрение после телепатического обследования! Это ты здорово придумал, Андрюша. Только ведь на самом деле ты один такой умный. Все остальные люди в обход коры думать не умеют, да и чужие мысли не читают. Как в такой ситуации быть?

– Поставить меня на полное довольствие, – Соловьев вздохнул, – и эксплуатировать мой талант до полной победы над врагом.

– Хорошо, что ты сам это сказал, – Сноровский удовлетворенно кивнул. – Однако вернемся к теме. Рапорт содержит сведения о промышленном потенциале нашего региона. Что это нам дает?

– Ареал поисков.

– Верно. Чтобы так подробно изучить местность, надо на ней постоянно находиться. Не из горных пещер через телескоп наблюдать, а бродить по территориям заводов, гулять по улицам, ездить по дорогам... Так?

– Но круглосуточно бродить они не могут. Им надо куда-то возвращаться. Туда, где они сумеют отдохнуть и зафиксировать информацию, – подхватил мысль Соловьев. – В логово.

– Верно. И логово это не должно быть сильно удалено от изучаемых объектов.

– Какой-нибудь подвал в городе или пригороде.

– Ты сам говорил, что ворота, через которые они проникли, это здоровенная арка. В подвал такое сооружение не влезет.

– Почему вы думаете, что в логове должны быть ворота?

– А где? А если их вычислят враги, то есть мы? Что проще – побросать все имущество в серебристое небытие и прыгнуть туда самим или, отстреливаясь, бежать через весь город

в тайное место? Как бы алогично ни мыслили эти чужаки, логово они должны были устроить где-то в промзоне, я уверен.

– Там очень много частных заводиков и складских комплексов, – Андрей задумчиво потер подбородок. – Если отбросить те, что не имеют на своей территории глубоких подземных хранилищ или двухэтажных зданий...

– Верной дорогой идешь, товарищ, – Иван Павлович усмехнулся. – Если отбросить еще и два учреждения ГУИН, таможенные склады, зоны досмотра, хозяйство аэропортов и еще три десятка мелких предприятий, останется всего лишь сто – сто двадцать объектов. Вдвоем мы их изучим моментально, года за три...

– Как же быть? – Андрей удивленно приподнял брови.

– Ответ очевиден, – Сноровский обреченно вздохнул, – надо идти к начальству и вымалывать «добро» на крупную операцию.

– Почему вымалывать?

– Потому, мой феноменальный друг, что, с точки зрения начальства, все наши выводы будут очень сильно смахивать на фантазии.

– Но ведь их подтвердил «ВТ»!

– А «Вектор Т» – это настолько секретная разработка, что даже я не имею права знать о его существовании, – Иван Павлович назидательно поднял вверх указательный палец.

– Но, по-моему, о нем знают все...

– Верно, однако официально считается, что о нем известно лишь директору, трем его заместителям и четырем программистам. Заметь, что и у директора есть свой начальник, который не похвалит его, если выяснится, что мы занимали машинное время глупостями. Нет, Андрей Васильевич, нам нужны факты, добытые традиционным путем. А мы таковых не имеем. Кроме «ВТ», подтвердить правильность твоей дешифровки некому.

– Как это – некому? – Андрей покачал головой. – А шпион?

– А он плюнет тебе в лицо и пошлет подальше вместе с телепатией и беспочвенными обвинениями. Анкета у шпиона наверняка чистая, а нормальных улик против него нет. Что ты ему предъявишь?

– Он мне то же самое сказал вчера вечером, – задумчиво пробормотал Соловьев.

– Ага, так это, значит, тетка нашего отца-основателя? – смакуя догадку, Иван Павлович даже причмокнул. – Вот почему он вокруг меня все время крутится! Контролирует, чтобы я не разузнал ничего важного... Ай да Феликс, ай да... Слушай, Андрюша, а как себя величают эти ребята?

– Келлы. С планеты Келлод и Диши...

– Так и называется Келлод-и-Диши?

– Нет, – Андрей усмехнулся. – Келлод – метрополия, а Диши – колония – его ближайшая соседка по звездной системе, спутник, ну как наша Луна.

– Двух планет им мало! – возмутился Сноровский. – Ну, келлы! Тоже мне, завоеватели с большой дороги! Ну, ничего, жадность их и погубит! Иду к начальству, однако... – Уда-
чи...

Вернулся он часа через четыре, и Андрей даже не стал ничего спрашивать. Результат аудиенции отражался на лице Ивана Павловича в виде багровых пятен. Он уселся в кресло и медленно провел рукой по блестящей лысине.

– Такие вот дела, Андрюша, – настроение Сноровского опустилось намного ниже нормального. – Не принять ли нам успокоительного? Грамм по пятьдесят.

– А поможет? – Соловьев с сомнением покачал головой.

– Поможет – не поможет, а расслабиться надо, – Иван Павлович достал из тумбочки початую бутылку коньяка. – Прав ты оказался насчет Феликса. Келл он или нет, но сволочь приличная. Накатал рапорт о десяти страницах – главное, когда успел? – и упреждающим ударом вышиб нас с тобой из списка благонадежных граждан. Меня начальство чуть под полиграф не пустило. Пытали до посинения. Откуда сведения, почему да как? А я извиваюсь, как змея на сковородке, и только нечленораздельно мычу...

– Отфутболили?

– В результате – да, – Сноровский выпил, поморщился и тут же налил еще. – Но это еще цветочки. Только я выбрался из приемной, меня Петенька огорошил. Накинулся прямо в

коридоре, как коршун, и давай клевать. «Вектор» вышел на какую-то мутную локальную сеть, и его там так приложили, что он даже непроизвольно перезагрузился. А как пришел в себя да занялся самодиагностикой – выдернул из своего виртуального тела два десятка вирусных заноз.

– Ну, хотя бы обошлось? – Андрей покосился на бутылку.

– Одну «пулю» из «левой пятки» он до сих пор вынимает, – Иван Павлович налил еще рюмку и спрятал бутылку в тумбочку.

– Нелогичную? – Соловьев воспользовался моментом и, опередив его, выпил коньяк.

– Точно, – Сноровский с сожалением покосился на пустую рюмку и порылся в кармане пиджака. – Вот, это тебе...

Он протянул Андрею сложенный вчетверо листок. Соловьев развернул бумагу и уставился на ряд символов. Написаны они были неровно, но разборчиво. Было видно, что, срисовывая их с экрана, Петр серьезно нервничал.

– А принтера у него нет? «Тестовый сигнал перехода сто пятьдесят семь. Коро», – прочел Андрей вслух. – Не вирус это. Просто защита по принципу «свой-чужой».

– «Вектору» от этого не легче, – Иван Павлович протянул было руку к тумбочке, но передумал. – Сто пятьдесят семь? Порядковый номер?

– Может быть, модель? – неуверенно предположил Андрей.

– Модель – это скорее «Коро», – Сноровский тяжело

вздохнул. – Вяпались мы, Андрюша. Чувствуешь, как плотно нас прижали? Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Хоть реально, хоть виртуально...

– Что же делать? – Соловьев расстроенно потеревил бумажку и бросил ее в пепельницу.

– А вот что, – Иван Павлович поднес к листку огонек зажигалки. – И забыть...

– Нет, – Андрей нахмурился и, выдернув записку из пепельницы, затушил огонь. – Надо просто подождать, пока не вернется Борис.

– Не хотел я тебя расстраивать... – Сноровский тяжело вздохнул и снова достал коньяк.

– Нет! – Соловьев побледнел и оглушительно хлопнул ладонью по столу.

– Ты думаешь, мне хочется в это верить? – Иван Павлович убрал рюмки и поставил рядом с бутылкой два пластиковых стаканчика. – Такой мужик был! Таких на всю страну сотни не наберется...

– Я не верю! – горло Андрея сдавила страшная обида. На злодейку Судьбу, на людей, из-за алчности которых погиб лучший друг, на самого себя...

– Выпей, Андрюша, помяни Борис Сергеича, – Сноровский налил почти полный стакан, – земля ему пухом...

– Вы можете провести меня в больницу?

– В субботу похороны. – Иван Павлович налил себе чуть меньше и тут же выпил. – Ребята уже сбрасываются на венки.

Соловьев медленно поднял стакан и так же медленно выпил. Через несколько минут на его щеки вернулся неравномерный румянец. Он невесело усмехнулся каким-то своим мыслям и встал.

– Завтра можно не приходиться?

Сноровский отвел смущенный взгляд.

– А тебя, Андрюша, больше вообще не пустят. Константинов так и сказал. Уйти, в память о Борисе Сергеиче, тебе позволено, но больше ни ногой. Только в кандалах, если на чем попадешься...

– Надо бы вашему Константинову в глаза посмотреть, – лицо Соловьева исказила довольно неприятная гримаса. – Может, он тоже келл?

– Ответственность у него непомерная, – Иван Павлович с сожалением покачал головой. – Вот и страхуется. Карьерой своей дорожит. Чтобы стать таким осторожным, обязательно прилетать с Келлода.

– Ну, а вы? – Андрей сунул руки в карманы и чуть подался вперед.

– А что – я? – Сноровский смущенно потер переносицу. – Я человек казенный. Приказал начальник забыть о посторонних фантазиях – забываю. Тем более мне до пенсии три дня осталось. И, похоже, задерживать меня в славных рядах Конторы никто не собирается... Такие вот дела, Андрюша, выхожу в отставку. Тихо, мирно, с получением всех положенных сумм и почетной грамотой... Так что ты ступай, а

мне дела надо к передаче подготовить...

Иван Павлович указал глазами на дверь и подмигнул. Соловьев удивленно приподнял брови, но спрашивать ни о чем не стал.

«Уходи», – одними губами приказал Сноровский.

Андрей вынул руки из карманов и едва заметно нарисовал в воздухе указательным пальцем круг. Иван Павлович на секунду закрыл глаза, подтверждая, что знак понятен, и он, даже если не позвонит, то обязательно свяжется иным способом.

«Завтра?» – также только губами спросил Соловьев.

Сноровский снова моргнул и решительно указал на дверь.

– Прощайте, Андрей Васильевич.

– Встретимся еще, – стараясь не переигрывать, сурово ответил Соловьев. – На похоронах...

* * *

*Летнее кафе обрело жесткий каркас, дюралевую крышу и стеклянные стены. Официантки больше не мерзли, но передвигались между столиками все так же энергично, словно хотели согреться. Андрей проводил одну из девушек долгим взглядом и сочувственно качнул головой.

– Трудно честной девушке жить одной в большом городе, – кивая ей вслед, пробормотал он так, чтобы его слышал только сидящий напротив Сноровский. – Учится, работает,

выкраивает гроши на булавки...

– Мало платят? – Иван Павлович с интересом взглянул на официантку.

– Копит на дубленку, зима же на носу...

– А спонсора нет?

– Есть один, только она его любит и денег не просит, чтобы случайно не поставить в неловкое положение. Он женат, да и доходы у него не ахти, едва на семью хватает...

– Нашла бы себе свободного, – Сноровский пожал плечами. – Вон какая красавица...

– Любит, я же сказал, – Андрей опустил взгляд к столешнице и потер виски. – А отбивать его, семью разрушать – она слишком порядочная...

– Шашни заводить – не порядочная, а побороться за счастье, выпадающее человеку раз в жизни, – просыпается совесть? – Иван Павлович усмехнулся. – Это лень, а не порядочность. Да и любовь, видимо, больше от скуки...

– Эх вы все вывернули! – Соловьев оставил в покое виски и положил ладони на стол. – Что будем делать дальше, Иван Павлович? Как нам теперь искать это логово?

– А так же. – Сноровский отхлебнул кофе и невинно взглянул на Андрея: – Что нам терять?

– Мне-то действительно – нечего. – Соловьев попытался заглянуть в его зрачки, но Иван Павлович вовремя отвел глаза.

– Не надо со мной этого делать, – в голосе чекиста послы-

шались приказные нотки.

– Виноват, – пробормотал Андрей. – Просто я не понял, что значит «так же»?

– Обратимся за помощью к тем, кто имеет людей и технические возможности.

– Все равно не понимаю. – Соловьев помешал кофе пластиковой ложечкой. – К кому? К милиционерам? Частным охранникам? Бандитам?

– К военным, – проглотив кусочек пирожного, пояснил Сноровский. – Есть у них судорожная готовность к такого рода делам. Мне по долгу службы приходилось общаться с их специалистами. Правда, самый главный спец уже на пенсии, но не по здоровью, а исключительно по выслуге лет...

– Спец по тарелкам?

– Ага, – раздался над ухом Соловьева знакомый голос. – По тарелкам. И чайникам вроде вас.

Андрей поднял взгляд и обнаружил, что над его макушкой нависает внушительных размеров плечо – это новый собеседник через голову Соловьева протянул руку Ивану Павловичу. Сноровский пожал протянутую конечность и кивком указал на Андрея:

– Знакомьтесь...

– Да виделись уже. – Человек уселся за столик рядом с чекистом. – На пятом складе. Слышал про Бориса. Жаль. Толковый мужик был. Из всей Конторы – единственный, кого я переваривал.

Андрей вспомнил его сразу. Бывший полковник военной разведки Безносков был запоминающейся личностью. Да и происшествие на складе было еще очень свежо в памяти.

– А меня? – фальшиво возмутился Иван Павлович.

– А из тебя какой гэбэшник? Так, одни корочки... Чего звали, отщепенцы?

– О, я вижу, тебя уже просветили? – Сноровский рассмеялся.

– А то, – Безносков самодовольно улыбнулся и взглянул на выпорхнувшую из служебного помещения официантку: – Ничего не надо.

Девушка расстроено закусила губку и, спрятав блокнотик, вернулась в жизненную тень. Андрей мысленно поклялся оставить ей колоссальные чаевые и тут же вспомнил, что в этом уже клялся, но клятвы своей так и не исполнил.

– Дело есть. – Иван Павлович вытер губы бумажной салфеткой.

– Я догадался. – Безносков был очень крут и осознавал это в полной мере.

Андрею, чтобы это понять, даже не требовалось изучать его поверхностные мысли и эмоции. Однако он все же заглянул в зрачки полковника, но увидел в их глубине только странное багровое марево. Безносков на секунду замер, словно припоминая нечто важное, а затем расплылся в снисходительной улыбке.

– Ты не туда полез, самородок. В мою черепную коробку

тебе не пробиться.

– Откуда вы... – Андрей не закончил фразы.

Его тело обрело неестественную легкость, а окружающие предметы вдруг поплыли по часовой стрелке. Соловьев обмяк и начал сползать куда-то под стол.

– Сесть, – негромко приказал Безносков.

Команда оказала на Андрея отрезвляющее действие. Он уцепился за край и, выбравшись из-под стола, снова сел на стул. При этом он беспрестанно мотал головой.

– Очумел слегка, братишка?

Услышав знакомое обращение, Соловьев вздрогнул. В последние годы так к нему обращался только один человек, но этого человека уже не было в живых.

– Что это было?

– Что это было? – нарочито густым басом передразнил его Безносков. – Сопли тебе утер, вот что это было. Я еще позавчера понял, что Боря тебя не просто так за собой таскает. Справочки навел. Да вспомнил кое-что из специальных навыков. Меня такими вот телепатическими приемчиками не напугать. Мы же не в горах, и я тебе не твой ротный. Я этот курс еще двадцать лет назад прошел. Мысленная атака – блок – ответный удар. Легко и непринужденно.

– Так вы тоже... владеете?

– А ты думал, один такой? – Полковник рассмеялся. – Думал, мамаша с каким-нибудь пришельцем согрешила, и вот потому ты такой уникальный? Нет, сержант Соловьев, все

гораздо проще. У тебя особый тип психики. Максимально лабильный. Психоматрица, как говорят наши военно-медицинские умники, неустойчивая. Для произвольной инициации телепатических способностей – вариант идеальный. А вообще талант этот в каждом человеке есть. Его только надо разбудить.

– Но если его разбудить во всех, он уже не будет секретным оружием? – Андрей тяжело вздохнул. – Действительно – просто.

– Вот именно. – Безносков покосился на официантку и снизошел: – Барышня, капучино, большую чашку!

– Просто, – Соловьев глубоко задумался и снова принялся тереть виски. – Но в таком случае вы должны были знать о чужаках! Неужели вашим... специалистам никогда не встречались эти существа?

– Келлы-то? – Безносков усмехнулся. – Встречались. Да еще и на каждом шагу. После того как рухнул их ковчег в сибирской тайге, они успели далеко разбрестись. Почти по всему миру. Только их мало и ведут себя скромно. Хотя в последнее время что-то действительно расхрабрились. Только ваши опасения, граждане, напрасны. Мы их не трогаем, поскольку они и без этого богом обижены. Не бойцы. Так, остатки выродившейся цивилизации. Мало того что воевать толком разучились, они еще и запуганы с детства. Каждого куста бояться. Культ такой. Вселенское Проклятие – называют эти бедняги своего дьявола. Что за зверь – сами не зна-

ют, но все неприятности относят к его деятельности. Авария – Проклятие, война – оно, неурожай – тоже, вплоть до расстройств кишечника – все на суеверие свое валят. Параноики. Целая цивилизация – одни запуганные психи. Такие вот страшные пришельцы. Только пустышек с памперсами им не хватает для окончательно грозного вида.

– Может, это другие? – Андрей нервно похлопал ладонью по столу.

– Зеленые? – Полковник отрицательно покачал головой. – Нет, зеленые на людей не похожи. Это келлские особые приметы. Да и не прилетали магелланцы уже лет двадцать.

– Но...

– погоди, – остановил Соловьева Иван Павлович. – Ты, полковник, большая сволочь. Столько лет меня знаешь, а о чужаках ни разу даже не обмолвился!

– Чтобы ты всю свою «безопасность» на них натравил и лишил отечественный военпром перспективных разработок? Ты знаешь, какое оружие у нас появилось благодаря этим инопланетным параноикам?

– Сейчас не об этом. Твое благодушие меня не успокаивает. Взятки вроде оружия и технологий лишили тебя и твоих бывших соратников бдительности. У нас есть доказательства.

– Ну-ну, – Безносов снисходительно скривился. – Выкладывай...

На краткое изложение произошедших за последние двое

суток событий Сноровскому потребовалось всего две минуты. Выслушав его, полковник помрачнел и задумался еще на несколько минут.

– Вот такие они безобидные, – резюмировал свой рассказ Иван Павлович.

– Я понял, – немного раздраженно заявил Безносков. – Значит, оружие куют бродяги. Против гостеприимных хозяев? Ясно. Это мы проверим. Неясно другое – как твой орел сумел без ключа прочесть зашифрованное послание?

Он испытующе взглянул на Соловьева.

– Значит, не только в психоматрице дело, – Андрей пожал плечами.

– Значит, не только, – полковник кивнул. – Но без реального подтверждения это все лишь фантазии. Наверняка Константинов тебе, Иван Палыч, так и ответил.

– Слово в слово.

– Ну а почему вы решили, что я брошусь к вам с распротертыми объятями?

– Потому, что ты уже знаешь о келлах. Тебе остается лишь поверить в то, что они хитрее, чем кажутся на первый взгляд.

– Так, так, – Безносков, совсем как Борис, побарабанил пальцами по столу. – А пасет вас кто? Гэбэшники?

– Не должны, – незаметно оглядываясь по сторонам, возразил Сноровский. – Ты засек слежку?

– Я же не зря тридцать лет казенный харч хлебал, – полковник ухмыльнулся. – Кое-чему научился.

Он неторопливо достал телефон и, нажав только одну кнопку, отдал безымянному абоненту какое-то непонятное приказание.

– Чекисты не должны, – продолжил рассуждать вслух Иван Павлович. – Ментам вообще ничего не известно. Странно...

– А в последнее время много чего странного творится, – неожиданно заявил Безносков. – Большой криминальный передел идет, но это еще полбеды. Тут все понятно. Кто-то кому-то мешает – его устраняют. А вот что происходит с общей ситуацией – никто не поймет.

– С какой – общей? – Сноровский заинтересованно взглянул на Андрея, но тот лишь поджал губы.

– Ну, в целом, – полковник неопределенно поводит рукой в воздухе. – В мире, в стране... Ну, и в городе. Люди то бесследно исчезают, то, наоборот, появляются там, где их быть не должно. Аварий разных на фоне полной технической исправности механизмов по десять штук за день случается, пожары высшей категории из ничего вспыхивают. Городские коммуникации на восемьдесят процентов заменили, а все равно ежедневно то трубы лопаются, то газ взрывается. В бизнесе тоже все наперекос идет. Надежные дела прогорают, как запальные шнуры, а заведомо провальные – расцветают. Народ просто чумеет: одни разоряются, другие в момент богатеют, но ни те ни другие не знают почему... Давно я над этим размышляю.

– Жизнь большого города, – неопределенно высказался Соловьев. – Ничего странного. Вот келлы – это да...

– А ты воспользуйся бульоном, который в твоём котелке варится, – Безносов выразительно постучал пальцем по виску. – Вникни в то, что твой талант позволяет увидеть. Такие, как ты, выходят из спячки всегда в переломные моменты. Келлы – это тьфу!

– Сто пятьдесят семь тайных баз! – горячо возразил Андрей. – Сколько в них уже накоплено солдат и техники?!

– Ровно столько, чтобы слегка размяться одной мотострелковой дивизии, – отрезал полковник. – Даже без поддержки с воздуха.

– Мне кажется, вы несколько преувеличиваете доблесть наших...

– Я знаю, о чем говорю! Келлы могут нам подгадить мелкими диверсионными вылазками, но для крупномасштабных боевых действий у них нет достаточного количества живой силы – плохо они в наших условиях размножаются – да и техники маловато...

– Как же тогда все эти аварии? Мне показалось, что вы связываете их с деятельностью чужаков.

– Ты чем слушаешь?! – Безносов наклонился через стол, и его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от лица Андрея. – Хуже дело, сержант, гораздо хуже! Не келлы нас душат, поверь мне на слово. Это свои же земляне. Новой войны хотят всякие зарубежные деятели. Например, из

арабского лагеря. Только по старинке им воевать страшно. Натовцы же их «лагерь» и так уже почти в пыль разбомбили. А вот сделать, чтобы весь мир воевал непонятно с кем – бился с тенью, как боксер на тренировке, – вот эта идея им пришла по вкусу. Вон, за океаном, скоро места живого не останется, а кого конкретно за это наказывать? Фанатиков у бородатых в избытке, денег тоже хватает, а по части интриг с ними вообще никто не сравнится. Коварные люди, восточные. Ты же знаешь, ты с ними хорошо-о знаком... Так что не пришельцы воду мутят. Государственный терроризм расцветает на каменистой почве восточных гор.

– Значит, помогать нам вы не станете?

Полковник вновь откинулся на спинку стула и задумчиво взглянул сквозь Соловьева.

– А чего вам помогать? Вы и сами вон какие умные...

– Нам нужны две группы – оперативная и штурмовая, – словно не замечая сарказма, вмешался Сноровский. – А еще надежная база и хорошее спецоборудование...

– И по миллиону евро каждому? – Безносов усмехнулся, но уже не с сарказмом, а добродушно, с оттенком иронии.

– В месяц, – дошутил за него Иван Павлович. – Что лучше – инопланетные технологии оптом, все, что есть, за один раз, или откупные – в размере пары процентов, да еще и в рассрочку на несколько лет?

– «Как человек неглупый, он понял, что часть меньше целого», – чуть искаженно процитировал полковник.

Андрей отметил про себя, что, несмотря на показушную крутизну, Безносов не так уж прост. «В гимназиях не обучались... – пришла ему на ум фраза из того же произведения, – Митрич говорил сущую правду... Он окончил паже-ский корпус».

– Ну? – Сноровский чуть склонил бритую голову набок.

– Так у меня-то откуда столько народа? – полковник расплылся в хитрой улыбке. – Частная охранная контора – это же не президентский полк...

– Сеня... не дразни меня!

– А то что? – Безносов окончательно рассмеялся. – Короче так, отщепенцы...

Его прервал телефонный звонок. Полковник выслушал короткое сообщение и, буркнув «добро», спрятал трубку в карман. Улыбка так и не сошла с его холеного лица.

– Короче, так, даю вам две группы тунгусов на неделю и загородный домик со всеми техническими потрохами в аренду... на месяц. Будет результат – будем говорить дальше.

– Тунгусы – это хорошо, – Иван Павлович расплылся в довольной улыбке. – Душевный ты человек, Сеня, когда куш наклеывается.

– Рынок, человек-чекист, буржуазный рынок! – Безносов встал и, пожав собеседникам руки, направился к выходу.

Проходя мимо забеспокоившейся было официантки, он небрежно бросил поверх ее блокнотика крупную купюру и

жестом предупредил намерение девушки отсчитать сдачу.

– Тебе по дому моделей дефилировать надо, а не кофе подносить...

Девушка густо покраснела и, пробормотав «спасибо», суэтиливо спрятала деньги в кармашек жакета.

В глаза Андрею бросилось, как дрожали ее тонкие пальцы, и он еще раз пожалел, что не может увести эту несчастную жертву устаревшего воспитания за собой в светлую даль. Покидая спустя некоторое время после ухода Безносова уютное кафе, Соловьев на мгновение задержался рядом с официанткой и зачем-то заглянул в ее глаза.

«Все будет хорошо. Очень скоро все станет просто замечательно», – мысленно произнес он, глядя на девушку.

«Правда?» – невольно оформился в ее сознании ответ.

Глаза девушки вдруг наполнились слезами, и Андрей резко отвернулся.

«Идиот! – со злостью обозвал он себя. – Робин Гуд хренов! Спаситель безвинных душ! Что тебе понадобилось от этой Золушки?! Самолюбие потешить решил?! В бога поиграть захотелось?! Придурок!»

Подняв воротник, он, словно отгоняя наваждение, помотал головой и двинулся следом за Сноровским. Чаевых он не дал и в этот раз...

*»Тунгусы» оказались мужчинами угрожающе мускулистыми, но при этом сдержанными и немногословными. С представителями коренной северной народности их не связывало ничто, кроме названия группы. Командир, невысокий, широкоплечий бородач, носил архаичный двубортный плащ и цивильный костюм, отчего выглядел еще шире. По его лицу, приподнимая кончики русских усов, постоянно гуляла полуулыбка. Однако подчиненные, в основной массе переросшие командира на голову, а то и полторы, слушались его беспрекословно. Они в отличие от бородача были одеты в спортивные костюмы и куртки, а за их плечами висели огромные, туго набитые сумки. Со стороны вся эта компания выглядела как большая хоккейная команда, выезжающая на тренировочный сбор.

– Первый этаж, – коротко объявил «тренер», когда «хоккеисты» выгрузились из длинного автобуса с затемненными стеклами и построились перед входом в загородный домик. – На размещение тридцать минут. Построение у служебного входа. Напра-во. В колонну по одному... марш...

Соловьев дождался, когда группа войдет в здание, и подошел к бородачу.

– Вы оперативники? – Он протянул руку.

– Нет. – Крепыш ответил на рукопожатие. – Мы «докто-

ра». А оперативники уже работают. Вы их, возможно, и не увидите. Они у нас как тени...

– Андрей, – представился Соловьев.

– Бондарь, Тимофей.

– А почему «тунгусы»?

– Это вы у Безносова спросите, – Тимофей рассмеялся. – Юмор у него такой.

– Или опыт, – предположил Иван Павлович, появляясь на крыльце семиэтажного «загородного домика». – Здорово, пускач.

– И вам того же, пан Сноровский, – Бондарь широко улыбнулся. – Говорят, вас из ЧК того... ушли?

– Зато смотри, какое хозяйство мне Семен доверил, – Иван Павлович указал большим пальцем за плечо. – Охотничью заимку со всеми удобствами, да еще тебя с «тунгусами» твоими в придачу.

– Так это же временно.

– А что в этом мире постоянно? Счастье? Небоскребы? Государственные гимны? Все относительно, Тима, все относительно... Я смотрю, твои орлы налегке прилетели?

– Обоз, – Бондарь указал на подъезжающий инкассаторский грузовик.

Для перевозки наличности машина выглядела несколько великоватой. Командир «тунгусов» махнул рукой, приказывая водителю заехать с обратной стороны здания.

– Чувствуешь, Андрюша, какой размах? – Сноровский

удовлетворенно потер ладони.

– Какой размах? – Соловьев пожал плечами. – Полроты бойцов и грузовик с оружием? Или вы сейчас начнете рассказывать легенду о том, что «тунгусы» – это самое секретное спецподразделение ГРУ? Так это для пацанов. Сказки на ночь...

– Не обижайся, он не со зла, – Иван Павлович адресовал реплику Тимофею.

– А узнай он откуда-нибудь правду, чего бы тогда стоила наша программа информационной безопасности? – Бондарь запросто похлопал Соловьева по плечу. – Будьте уверены, Андрей Васильевич, не подведем. Вы меня извините, дела...

Он неспешно обогнул угол «домика» и скрылся в воротах служебной территории.

– Откуда он знает мое отчество? – Андрей покачал головой. – Почему все считают своим долгом поставить меня на место?!

– Ну, не только же тебе хочется повыпендриваться. У тебя одни заслуги, у них другие. Но чего они стоят без признания публикой?

– А почему – пускач?

– С такой комплекцией ему только танки кривой рукояткой заводить, вот и пускач, – Сноровский рассмеялся. – В этой среде так принято. Подшучивать, но беззлобно, для настроения. Ты разве забыл уже?

– Нам шутить было некогда.

– Это ты зря... Забыл, наверное... Вот Борис часто истории рассказывал. Меня однажды чуть удар не хватил от смеха. Вспомни, когда прапору вашему, из хоззвода, ишака в койку уложили... Разве не смешно было? Помнишь эпизод?

– Помню. Тогда было смешно. Сейчас не очень.

– Эх, Андрюша, – Иван Павлович посмотрел на Соловьева с сочувствием. – Жить надо, пока живется, а не к смерти готовиться. Разве не интересно тебе вот это все?

Он помахал рукой, указывая на окружающий лес, асфальтированные дорожки, здание и хозяйственные постройки.

– Я за последнее время столько этой «жизни» хлебнул, на тысячу человек хватит...

– Так ты радуйся, чудака-человек! Кому-то такое только в мечтах, а тебе прямо в руки идет! Лови момент! Живи в полный рост!

– Тяжко это, чужие проблемы на себя примерять. Это же не пиджаки.

Андрей уставился в землю и разворошил носком опавшие листья.

– Да-а... – Иван Павлович печально вздохнул. – Такого рода депрессия только одним лечится...

– Не буду я пить...

– А я не про выпивку. Пока ребята по промзоне шныряют, а «ВТ» подозрительные данные копит, мы тебя потренируем маленько.

– «Вектор»? – Соловьев поднял на чекиста удивленный

взгляд. – Он же в Конторе остался.

– Ты в каком веке живешь? – Сноровский рассмеялся. – Сеть, она же придумана не только чтобы порнуху качать. Все идет по плану, не сомневайся.

– А кто это «мы»?

– Мы с Семеном. Ты думаешь, он так вот взял и доверил мне свое хозяйство? Учет и контроль! Каждый день будет приезжать с инспекторскими проверками, я его знаю. Вот мы и воспользуемся моментом. Через неделю станешь самоуверенным, как тунгус. В смысле этот, местный, не коренной...

– Борис тоже хотел заняться моим воспитанием, – с грустью пробормотал Андрей. – Завтра похороны. Вы поедете?

– Это однозначно...

– Иван Палыч! – донесся из-за угла здания сильный голос. – Вы бы снаряжение получили... Или предпочитаете руководить операцией из бункера?

– Какой операцией? – Сноровский обернулся и настороженно взглянул на приближающегося Бондаря.

– Как это – «какой»? – главный «тунгус» прищурился. – Вы нас для чего у Безносова выпросили?

– Что, уже?!

– Ну, мы же на самом деле не просто «полроты бойцов с грузовиком оружия», – Тимофей весело подмигнул Соловьеву. – Получите, граждане, по бронежилету, шлему да стволу огнестрельному... Выбор, как в лучших домах, кому что привычнее...

– Ты, может, здесь останешься, для координации? – осторожно поинтересовался у Андрея Сноровский.

– Издеваетесь? – Соловьев скривился. – «Абакан» есть?

– А вы хотя бы в глаза такую машинку видели? – с сомнением спросил Бондарь. – Вам, наверное, «АК» привычнее будет.

– Жалко, что ли, стало?

– Да нет, – Тимофей пожал плечами и усмехнулся: – Найдем для вас и «АН»...

Когда группа прибыла на место, уже совсем стемнело. Андрею и Сноровскому командир «тунгусов» приказал оставаться в небольшом фургончике, под завязку набитом умной аппаратурой, а сам бесшумно растворился в сырой темноте осенней ночи. Вернулся он примерно через минуту в компании еще одного человека. Наружность бондаревского спутника была вполне героической, но все равно не слишком приметной. Обычный мужчина за тридцать, разве что более крепкий и подтянутый, чем большинство людей его возраста. А еще с уверенным взглядом. Захлопнув дверцу фургончика, он молча пожал руку Ивану Павловичу и внимательно посмотрел на Андрея.

– Логинов Евгений, – представился человек.

– Соловьев.

– Минут через десять «тунгусы» рассредоточатся, и мы начнем.

– Трудный объект? – поинтересовался Иван Павлович.

– Нормальный.

– А охрана?

– Охрана есть, но условная. Мы наблюдаем уже восемь часов. Основной объект расположен, видимо, в длинном двухэтажном здании слева от главных ворот. Проникнуть в него будет несложно, но именно там сосредоточены основные силы противника. Будет встречный бой на минимальной дистанции.

– Это наш коронный номер, – серьезно и без единой нотки бахвальства заметил Бондарь.

– Поэтому я и разработал для вас оптимальный маршрут именно через главные ворота, – Евгений раскрыл карманный компьютер и повернул его так, чтобы схему на дисплее мог видеть только Тимофей. – Команда «А» идет на штурм, команда «Б» – с крыши, через окна, высота девять метров.

– На тросах, – Бондарь кивнул. – Где подстанция?

– Все автономное, – Логинов переключил режим машинки, и по экрану поплыла видеокартинка. – Вот здесь, видишь, котельная. Одно название, конечно, в ней установлен тритиевый энергоблок. Похож на наш, тренировочный, но более совершенная модификация.

– Рубильники-то те же?

– Практически.

– Тогда справимся. Как погаснет свет, включайте визоры. Всех, кто даст синий контур, – кладите.

– Принято.

Евгений снова взглянул на Андрея.

– Хотите увидеть все с позиции или останетесь здесь?

– Я с вами.

– Тогда – вперед.

Логинов бесшумно выскользнул из машины и почти сразу растворился в темноте. Соловьев двинулся было следом, но следа как такового не было, и он, сделав пару шагов, остановился в растерянности.

– Сюда, – донесся негромкий окрик откуда-то слева.

Андрей вытянул перед собой руку и пошел на звук.

– Вот, наденьте.

Соловьев почувствовал, как ему в ладонь легли легкие пластиковые очки. Он быстро нацепил их на переносицу и вдруг словно попал из ночи в пасмурный день. Окружающая его местность была серой, но неплохо просматривалась на любом расстоянии. Евгений стоял напротив, в таких же очках, и улыбался.

– Техника, – уважительно пробормотал Андрей.

– За мной, – оперативник махнул рукой и быстро пошел сквозь облетевший кустарник.

Очень скоро они приблизились к останкам некой бетонной конструкции, и Евгений указал под ноги. Земля была покрыта толстым слоем строительного мусора, и запнуться или даже сломать ногу в этом местечке было несложно. На проверку конструкция оказалась останками трехэтажного зда-

ния – то ли за ненадобностью разрушенного, то ли за той же ненадобностью недостроенного. С крыши этого динозаврова скелета открывался отличный вид. Слева проходила тупиковая ветка вспомогательной железной дороги, а справа располагалась достаточно ухоженная территория небольшого заводика.

– Третий инструментальный завод, – негромко пояснил Логинов. – Главный цех прямо, видите?

– Но окна заварены! – обратил внимание Андрей. – Как через них пробьются «тунгусы»?

– Так же, как через ворота. Они, заметьте, тоже не картонные. Типичный ангар для летающей тарелки.

– Тарелки? – Соловьев удивленно взглянул на Евгения.

– Ну, блюдца, – воин пожал плечами.

– Но у келлов нет тарелок!

– Что значит нет? – Евгений удивленно взглянул на Андрея. – Вы тоже думаете, что все они потомки тех, кто прилетел в тунгусском ковчеге? Мы с Безносовым постоянно на эту тему спорим. Это его любимый вид отдыха. Я отстаиваю точку зрения, что они все-таки понемногу прибывают, а он убежден, что высадка была только одна, в девятьсот восьмом... Ну, теперь-то недолго осталось ждать момента истины. – Он взглянул на часы: – Четыре минуты...

– Да нет! – с досадой возразил Соловьев. – Вы оба ошибаетесь! Как же я сразу не понял?! Вот почему полковник был так уверен в том, что келлы не опасны!

– Чего вы не поняли? – оперативник насторожился. – Проясните, будьте любезны, пока не поздно.

– Безносов считает, что мы ищем... то есть уже нашли... базу, где келлы накапливают оружие и тренируют диверсантов, – Андрей загнул один палец. – Вы думаете, что здесь они прячут тарелку...

– А также оружие и солдат... – Логинов кивнул. – Расхождение во взглядах незначительное.

– Но у них нет тарелок! И никогда не было! Я не знаю, что там падало – в районе Тунгуски, – но не келлский ковчег, это точно. Чужаки пользуются воротами! Вы правы, они прибывают, все их воины действительно тренируются не на Земле, а у себя на Келлоде или Диши, но сюда они приходят, уже подготовленными и вооруженными, через ворота!

– Ворота? Это которые гипер-нуль – Т-внепространственные? Как в кино?

– Точно не знаю. Серебристое свечение под высокой аркой, а из него выходят солдаты...

– Картина маслом, – задумчиво произнес оперативник. – Это несколько меняет дело, но на тактике текущей операции не отразится. Единственный источник энергии – энергоблок, а его мы отключим. Ворота работать не будут, а значит, ни удрать, ни получить подкрепление келлы не смогут...

Ни удрать, ни получить подкрепление келлы действительно не смогли. Когда территория заводика погрузилась в полнейшую темноту, ворота в двухэтажный цех осветили две

неярких синих вспышки. Следом за ними еще несколько сполохов сверкнуло где-то вверху, на уровне окон. Звуки от этих странных взрывов были глухими, словно пробивались сквозь слой ваты. Скороговорка автоматического оружия также больше напоминала негромкие хлопки пневматических винтовок. Андрей хорошо видел, как стремительно исчезают в проломе ворот и выбитых окнах «тунгусы», но что творилось внутри цеха, он мог лишь предполагать.

– Минус три, – взглянув на часы, спокойно произнес Евгений. – Пошел резерв.

Словно услышав – а возможно и услышав, Андрей уже ничему не удивлялся – его реплику, к воротам потянулись новые воины.

– Минус одна, – спустя пару минут сказал оперативник. – Фаза?

– Ноль, – неожиданно ответили часы каким-то далеким, игрушечным голосом, – ставь коридор на семьдесят четыре.

– Минус сорок две, – зафиксировал результат Логинов. – Для третьей категории сложности – рекорд. Поздравляю.

– Спасибо.

Теперь Соловьев уловил знакомые интонации и понял, что на связь выходил Бондарь.

– Нам пора, – Евгений указал на лестницу.

– В коридор?

– Нет, – оперативник рассмеялся. – По силовому коридору пойдут пленные. От цеха до грузовика.

– Много?

– Семьдесят четыре... экземпляра.

– Много.

– «Тунгусы» работали, – не без гордости заявил Евгений.

– Все равно не понимаю, почему так получилось? Семьдесят четыре хорошо вооруженных воина, на подготовленных, укрепленных позициях – и вдруг сдались за три минуты.

Как выяснилось, этот вопрос возник не только у Соловьева. Когда все пленники были утрамбованы в бронированный грузовик, к штабному фургончику подошел разгоряченный Бондарь.

– Пара синяков под «брониками», две царапины – у Егора и Кравченко, да Краба касательным по куполу стукнуло, – поделился он с Логиновым. – Шлем погнулся, но череп выдержал.

– Контузило?

– Ну, поплыл, конечно, парень, но ничего – отлежится пару дней и будет как новенький.

– А противник?

– А противник... – Тимофей озадаченно поскреб бородку. – Станный он какой-то попался, противник этот. Условнее условного. Мы только по второму магазину сменили, а он уже лапки кверху поднял. Причем, понимаешь, Женя, в первые минуты они дрались, как черти. Я даже, грешным делом, подумал, у нас потери будут – полковник на компенсациях разорится... Но тут случилось что-то странное... Я

лица этих врагов до смерти, наверное, не забуду... Как в замедленном кино все происходило... Бросают свои автоматы и медленно так, словно загипнотизированные, встают... Я едва успел «отбой» скомандовать, чтобы ребята их всех не положили... Понимаешь, а на лицах у них такой... ужас... не страх даже, а ужас, дикий, животный... И смотрят не на нас, а поверх голов куда-то. Я даже на секунду обернулся. Позади темнота, резерв у ворот залег, а больше ничего. Выше посмотрел, тоже только небо. Мы их окружили, командуем «руки на голову», а они нас словно не слышат. «Тунгусы» мои даже слегка растерялись. Ни разу такого количества невменяемых в одной куче не встречали. Потом, когда мы с тобой переговорили, смотрю, один руки на макушку сложил, за ним другой... И все равно в «девятку» уставились, словно над входными воротами щит Зевса висит. Какая-то хреновина. Черт-те что, короче, получилось, а не захват.

– А трофейное имущество в порядке?

– Какое? Оружие со снаряжением? Там оно, на стеллажах ровными рядами лежит.

– Нет, – вмешался Андрей, – арка. Металлическая арка. Метров семь в высоту.

– Пять, не больше, – Бондарь кивнул. – А что это? Я думал – рельс художественно изогнутый.

– Главный келлский секрет, – коротко пояснил Евгений. – Метро до их родины.

– Ого! – Тимофей восхищенно покачал головой. – Вот

Безносову подфартило! Бабок на этом поднимет, всю контрразведку можно будет с президентом в зарплате уравнивать. Всех, вплоть до поваров.

– Контрразведку? – удивленно переспросил Соловьев. – Военную контрразведку?

– А ты думал, полковник для себя старается? Такие «частные» фирмы на обычных капиталах не произрастают.

– Тима...

– А что? Ему можно. Шеф меня насчет Андрея Васильевича особо просветил. Теперь это наш человек. Со всеми потрохами...

– Что-то меня он не спросил, – недовольно заметил Соловьев.

– А ты откажешься?

Бондарь искренне рассмеялся. Присоединившийся к собеседникам Иван Павлович несколько секунд вникал в суть веселья, а затем косвенно подтвердил слова Тимофея.

– Ну, Андрюша, считай, Управление у нас в кармане.

– Какое управление?

– А я всю жизнь мечтал создать контору, которая бы так называлась. Коротко и многозначительно. Управление! Звучит?

Соловьев молча пожал плечами. Он прекрасно понимал, что отступить некуда, из цепких лап Безносова и Сноровского ему уже не вырваться. Но также он понимал, что основной объем работы придется выполнять не им. А еще его беспоко-

ила эта странная чередa совпадений. Внезапно проснувшийся талант, келлы, диск, легко разгаданный код и, наконец, ворота... Все это вполне укладывалось в какой-то сценарий, но Андрей пока никак не мог уловить его суть...

* * *

* – Феликс, у меня инфаркт миокарда! Говоря языком сапиенсов – разрыв сердца!

– Сердца? Оно у вас разве не из камня? По какой стенке прошла линия разлома – передней, задней?

– Круговой, все стенки насквозь!

– Что случилось?

– Нас разгромили! Сегодня ночью. Взяли всех, кто был у сто пятьдесят седьмых ворот! Но главное – они получили доступ к самому тоннелю!

– Коро не пропустит их на Диши...

– Это я понимаю, но они не пропустят к переходу нас!

– Так, стоп, Кирилл Мефодьевич, линия надежная, но лучше подстраховаться. Встретимся где обычно...

Феликс прибыл на условленное место даже раньше Кирилла Мефодьевича. В хмуром осеннем парке было почти безлюдно. Пара пенсионеров и ребенок с развеселым спаниелем на длинном поводке. Холодный ветер, в основном, подсушил асфальт, но без поддержки солнца с одной глубокой

лучей справиться ему не удалось. Сошников обогнул водную преграду по самому краю дорожки и медленно побрел к впавшему в зимнюю спячку фонтану.

– Феликс!

Для жертвы обширного инфаркта директор выглядел на редкость живым и энергичным. Казалось, что чрезвычайное происшествие его не огорчило, а мобилизовало.

– Я знал, что это случится! Это Сущность! Она добралась и до нас!

– Кирилл Мефодьевич! Давайте без мистики! Просто скажите самое главное – кто напал на базу?

– Я не знаю, – понизив голос, ответил Кирилл Мефодьевич. – Сначала я подумал – Контора, но в этом случае ты не мог не знать о готовящейся операции?!

– Не мог. Хотя...

– Так это были твои коллеги?!

– Нет, – Феликс отрицательно покачал головой. – Пожалуй, я знаю, кто это.

– РУБОП?

– Куда им, – Сошников махнул рукой. – Нет, это военные.

Больше некому.

– Но с военными у нас договор! – директор был крайне возмущен.

– Договор есть, но пункта о тоннелях в нем нет.

– Значит...

– Значит, потерянный Парыгиным диск нашли военные

контрразведчики. Или, постойте... – Феликс остановился и схватил собеседника за рукав. – Неужели это все-таки Соловьев?! Контактер? Не может быть!

Теперь собеседника уговаривал уже директор:

– Спокойнее, Феликс, давай-ка по порядку. На пристани после банкета остались только твои соратники, так? Сущность навела на Парыгина затмение именно там и точно в то же время...

– Но мы все уехали... одновременно... – Сошников задумался. – Вот! Вспомнил! Это точно Соловьев! Он ушел пешком, причем в ту сторону, где Парыгин якобы встретил Сущность. А вчера утром мои ребята потеряли и Соловьева, и Сноровского где-то в районе «Пионера» после того, как те встретились с Безносковым.

– Вот тебе и ответ, – Кирилл Мефодьевич нахмурился. – Полковник их и приютил.

– Но как смогли они расшифровать код?! Это же невозможно!

– Кто кодировал диск?

– Парыгин и кодировал, он же на все руки мастер...

– Он не мог проболтаться?

– Вы хотели сказать – продаться? Он слишком труслив, чтобы затевать такие игры.

– В таком случае его – глупая, конечно, версия, но другой не остается, – его...

– Раскусил Соловьев? Я по-прежнему сомневаюсь, что

этот припадочный на самом деле способен читать мысли.

– Твой вариант? Кто, кроме Соловьева, мог расшифровать рапорт?

– То есть вы считаете, что этот контактер выудил из сознания Парыгина ключ к шифру, потом нашел диск, прочел рапорт и передал сведения военным? Но почему им?

– Видимо, вам он не доверяет.

– Нам? Ну почему же? Его лучший друг трудился в Конторе, да и на следующее утро после банкета Соловьев приходил именно к нам...

– К кому конкретно? – заинтересовался директор.

– Да тоже к контактеру, только профессиональному...

– К Сноровскому? Это не очень хорошо...

– Да ерунда... – Феликс внезапно побледнел и прикрыл ладонью рот. – Или не ерунда? Или... Неужели... неужели он успел заглянуть и в мою голову?!

– Надо срочно сменить все настройки и отправить Парыгина домой, – подытожил директор. – Если до него доберутся люди Безносова, в руках сапиенсов окажется ключ ко всей системе Коро. А тебе... тебе придется постоянно быть начеку. Не удивлюсь, если в скором времени ты окажешься под колпаком.

– А вы?

– Я пока посижу на внештатной базе. Она не подключена к Коро, но в сложившейся ситуации это скорее плюс, чем минус. Особенно с оглядкой на то, что Сущность всерьез взя-

лась за наш участок системы...

Феликс кивнул и уже собирался откланяться, но задержался.

– Переход недоступен. Как же я отправлю на Диши Парыгина? Купить ему билет до сто пятьдесят шестого? Пусть перейдет через него?

– А если враги только этого и ждут? Брать шифровальщика сию минуту им необязательно. Проследив за путешествием Парыгина, они выжмут из ситуации максимум возможного – получат и «языка», и еще один тоннель.

– Тогда его надо спрятать. – Феликс помялся с ноги на ногу. – Возьмете его с собой?

– Нет, – отрезал директор. – Это слишком рискованно.

– Но тогда мне не остается ничего, кроме...

– Не остается, – прервал его Кирилл Мефодьевич, – и чем быстрее, тем лучше.

* * *

*Субботнее утро, серое и прохладное, началось с множества мелких дел, которые Сноровский назвал «оргвопросами». За поиском подходящих «оргответов» на них он забыл даже про заранее составленные планы. Новоиспеченный директор Управления прямо-таки рвался в бой.

– Сейчас допросим пару пленных, и будет уже какая-то пища для размышлений, – с воодушевлением рассуждал

он. – Где одни ворота, там и все остальные. Хоть кто-то из семидесяти четырех солдат должен быть в курсе, как связаться, например, с ближайшими соседями. На случай непредвиденных обстоятельств или для технической консультации.

– Непредвиденные обстоятельства уже были, однако на помощь им никто не пришел, – возразил Андрей. – А для технической консультации у них есть эта «мутная» сеть – Коро. У нас сегодня на утро другие дела запланированы. Надо съездить в город.

– Зачем? – Сноровский спросил это, думая о чем-то своем.

– Как зачем?! – возмутился Соловьев. – На похороны.

– Ах да! – Иван Павлович легонько хлопнул себя по лбу. – Замотался совсем... А во сколько?

– В двенадцать.

– Черт, немного неудобно. Ни утро, ни вечер. Весь день пропадает.

– Иван Павлович!

– Поедем, конечно! Что ты так реагируешь? Борис и для меня был не последним человеком!

Выехали они, как выразился Сноровский, с «ефрейторским зазором» в полтора часа. До кладбища был примерно час езды, но Иван Павлович любил все делать наверняка. Всю дорогу до города он неторопливо рассуждал на эту и смежные темы, а когда на въезде, у поста дорожной милиции, путь им преградила довольно плотная автомобильная

пробка, он с глубоким удовлетворением взглянул на часы и констатировал, что предусмотрительность весьма полезная вещь.

– Минут на двадцать, не меньше, – решил Сноровский, окидывая опытным взглядом затор.

– Не опоздаем? – забеспокоился Андрей.

– Вряд ли, – Иван Павлович был спокоен. – Ну даже если пару речей пропустим или залп, это же не принципиально. Панихида – минут сорок, потом прощание – еще двадцать. Час запаса.

Пробка рассосалась только через пятьдесят минут. К концу срока начал нервничать даже Сноровский. Когда же ему все-таки удалось миновать напряженный участок, он тут же пересмотрел маршрут и повел машину по какой-то запутанной ухабистой дороге через частный сектор.

– Прямо к развилке выйдем, к той, что перед самым кладбищем, – пояснил он. – Успеваем, без сомнений.

– Иван Палыч, смотрите, – Соловьев указал на желтеющий далеко впереди автокран. – По-моему, там какие-то ремонтные работы.

– Вот черт! – Сноровский притормозил и завертел головой. – Теперь только назад.

Стрелки часов уже преодолели отметку «двенадцать», и минутная успела коснуться «шести». Обезд занял еще почти полчаса. Когда они наконец добрались до ворот кладбища, из них показался почетный караул и несколько бывших

сотрудников Сноровского. Иван Павлович выпрыгнул из машины и торопливо подошел к товарищам.

– Жора! Что, уже все? Опоздали?

– Да как вам сказать, Иван Палыч. – Жора поправил черные очки и, прикуривая, нервно чиркнул зажигалкой. – Такое впечатление, что мы все опоздали...

– Это как?

– Хоронили, как «груз двести». В закрытом, с фотографией. Почему? Вроде бы не по кускам его в гроб складывали, не обожженного, а проститься толком так и не получилось. Я сам у Константинова спрашивал. Он только руками развел и на инструкцию какую-то сослался...

– Инструкцию? Какую еще инструкцию?

– Не знаю, – Жора пожал плечами. – Извини, Палыч, мне пора. Как, кстати, на пенсии живетесь?

– Живется...

– Ну и слава богу. Пока.

Сноровский обернулся и поискал взглядом Андрея. Увидеть Соловьева ему удалось не сразу. Лишь когда Иван Павлович догадался пройти на территорию кладбища, у свежего могильного холмика он увидел Андрея и повисшую у него на шее вдову Бориса Галю. Женщина рыдала, а Соловьев, как мог, пытался ее утешить. Сноровский замялся и, так и не дойдя до могилы, вернулся к машине. Все, кто был на траурной церемонии, медленно расходились по автобусам. Иван Павлович по многолетней привычке окинул

внимательным взглядом толпу, автомобили и выделил пару незнакомых лиц, а также странную машину. Черный микроавтобус с «мигалкой» стоял чуть поодаль, но его пассажиры определенно интересовались всем происходящим. Водитель не отрывал взгляда от собравшихся у автобусов людей, а сидящий рядом с ним пассажир склонился, словно вел какие-то записи. В общем-то ничего особенного в этих людях и в этом фургончике не было, разве что...

Иван Павлович перевел было взгляд на другие машины, но вдруг вернулся к черному микроавтобусу. Почему пассажир был в белом? Снял пиджак и остался в одной сорочке? Или ехал вовсе не на похороны? Сноровский присмотрелся повнимательнее. Что-то черное, странно изогнутое висело у человека на шее. Ремень или... врачебный фонендоскоп? «Скорая помощь»? Черного цвета? Ведомственная? Сноровский усмехнулся. Контора за считанные дни его отсутствия явно перестроилась на новый лад.

Он сел за руль и бросил взгляд на территорию кладбища. Галя осталась у могилы, а Соловьев уже шел обратно. Не дойдя до машины пары шагов, он остановился и, отвернувшись, закурил. Торопить его Сноровский не стал. Он снова вернулся к созерцанию грустной действительности и неожиданно для себя наткнулся взглядом на Феликса. Сошников стоял через дорогу, наискосок, примерно в сотне метров и о чем-то беседовал с теми самыми двумя неизвестными, которых Иван Павлович заметил и выделил из толпы сослу-

живцев и родственников еще во время первого осмотра. Собеседники Сошникова ему не нравились. Иван Павлович не мог объяснить – почему, но чем дольше он наблюдал, тем сильнее становилось это смутное чувство.

Разобраться в сомнениях ему не дал телефонный звонок. Дежурный по «охотничьему домику» сообщил, что Безносов попросил его и Соловьева быть на месте ровно в четырнадцать часов. Полковник собирался заехать на базу и обсудить какую-то серьезную проблему. Иван Павлович буркнул: «добро» и обернулся к пассажирской дверце. Ее уже распахнул Андрей.

– На поминки поедем? – поинтересовался директор.

– Нет, – Соловьев был крайне подавлен. – Лучше потом, на девять дней домой к нему... к Галине то есть, заеду... Она говорит, мать Бориса в реанимации. Инфаркт. Сразу туда поедет... Поминки будут проводить ваши сослуживцы. Мне там не место.

– Правильно, поехали на базу. – Сноровский завел машину. – Помянуть и там можно... Да и полковник что-то беспокоится...

Он вывел автомобиль на дорогу и медленно покатыл в сторону пригородного шоссе. Андрей пребывал в глубокой задумчивости, и Сноровский старался его не трогать. Тем более что ему самому было и о чем поразмыслить, и чем заняться. Например, почему одна из машин так долго едет сзади, придерживаясь определенной дистанции? И не собесед-

ники ли Феликса сидят в ее салоне? Выехав на шоссе, Иван Павлович перестроился в крайний левый ряд и утопил акселератор в пол. Вдвоем было не с руки выяснять, случайно или нет друга Сошникова оказались «на хвосте» у тех, кто доставил самому Феликсу и его инопланетным сородичам кучу неприятностей. Да и не Управления это было дело. Для таких расследований существовала розыскная бригада «тунгусов» во главе с Логиновым и оперативная с Бондарем.

Загадочные преследователи отстали, и Сноровский свернул в густой хвойный лесок. Тяжелые плотные ветви елей игнорировали пору всеобщего увядания и листопада, а потому далеко углубляться в их темно-зеленое царство не пришлось. Две-три елочки уже создавали прекрасную маскировку. Проехав буквально пять метров, Иван Павлович остановил свой экипаж, вышел и встал за стволом одной из елей.

Машина незнакомцев показалась через пару минут, но ехала она почему-то медленно, словно радиопеленгатор. Сноровский задумчиво подцепил с елового ствола кусочек смолы и растер его пальцами.

Если преследователи сбросили скорость, но не сошли с дистанции, значит, трюк с отрывом не удался. Неизвестные следили за машиной директора Управления не визуально, а каким-то иным способом. Иван Павлович вынул из кармана телефон и набрал номер.

– Тимофей? Это Сноровский. Слушай, капитан, нас тут обижают... Ну, откуда я знаю – кто? Какие-то типы, возмож-

но, из Конторы, хотя точно не скажу. Мы? Да, только выехали, по Восточному шоссе примерно пятый или шестой километр. Ага, жду... А может, я поеду? Если прямо сейчас стартую, как раз у них «на хвосте» окажусь. Ну и что, что наглость? Пусть знают... Нет, стрелять не будут. Да вижу я, глаз-то наметан, не бойцы, обычная наружка... причем бестолковая... Да? Вот и славно! Встречай...

Заметив машину Сноровского позади себя, «бестолковая наружка» не стала дожидаться финала и, резко увеличив скорость, ушла в какой-то поворот двухуровневой дорожной развязки. Иван Павлович усмехнулся и продолжил путь по прямой. Спустя примерно пять минут его авто догнали два темно-зеленых угловатых внедорожника с трехлучевыми звездами на решетках. Один машину директора обогнал и покотил в тридцати метрах впереди, а другой остался на такой же дистанции позади.

– Это что? – очнулся Андрей.

– Это «тунгусы», эскорт.

– А зачем?

– Управление, – гордо пояснил Сноровский, на самом деле ничего этим не поясняя.

– Понятно, – тем не менее пробормотал Соловьев. – Игры в шпионов...

*Безносков был чем-то встревожен. Это было видно по его глазам. В них отражалась странная задумчивость и даже неуверенность. Полковник прошел к столу и уселся в глубокое кресло. Почти рухнул в него. Сноровский поднял на товарища удивленный взгляд и покачал головой.

– А постучать?

– Не до реверансов, – Безносков ответил раздраженно, словно Иван Павлович своим шутливым вопросом вызвал у него приступ зубной боли.

– Что-то случилось?

– Случилось. – Полковник вынул из кармана телефон, но передумал и положил его обратно. – Келлы заявили протест.

– Кто? – Сноровский даже выронил тщательно затачиваемый карандаш. – Келлы?

– Вот именно. – Полковник снова достал телефон. – Понимаешь, что это значит?

– Что они обнаглели, – уверенно ответил Иван Павлович. – Причем настолько, что дальше некуда.

– Это значит, что они нашли серьезную поддержку, – назидательно возразил Безносков. – Например, в правительстве.

– Например или точно? – Сноровский хитро прищурился.

– Я не знаю деталей, но по моим данным федеральная безопасность получила подарок в виде ста сорока гига-

байт крупномасштабных спутниковых снимков с подробными разьяснениями. Вся территория от наших южных границ до Персидского залива в цвете и с таким разрешением, что у пляжных красоток прыщи на задницах видно. Но самое главное – угол съемки взят как-то так хитро, что ни листва, ни горы, ни крыши домов почти не мешают. Наши спецы только руками разводят. «Вектор Т» два часа гудел, пока рассортировал всю информацию по степени важности.

– Базы?

– Как на ладони, с точными координатами. Говорят, на одном снимке даже макушку Али Ахмада можно разглядеть. Причем датированы все фото вчерашним вечером.

– А взамен они хотят, чтобы мы оставили их в покое?

– Так точно.

– И мудрое руководство страны решило из двух зол выбрать меньшее? Неокрепшую общину пришельцев вместо отлаженной машины международных террористов?

– В существовании чужаков не сомневаемся только мы с тобой, а на что способны террористы, в подробностях знает весь мир. Сколько лет уже война с ними тянется?

– Ну, так в чем же дело? Давай покажем миру заодно и келлов! У нас их полный подвал!

– Келлов, – Безносос вздохнул. – Каких таких келлов? Что за национальное самоназвание? Народность, что ли, малочисленная? Вроде тунгусов? И в чем они провинились? Оружие стрелковое складируют? Так это дело для РУБОП или

ФСБ. Взрывчатку нашли? Нет? Тогда вообще не о чем говорить. Пусть прокуратура заводит дело по факту хранения, и весь разговор...

– Нет, постой, это тебе кто-то из министерских так заявил?

– Кто-то, – полковник с досадой махнул рукой и едва не выронил трубку. – Если бы «кто-то». Сам директор Конторы на беседу приглашал. Такая вот честь мне выпала.

– А что же твое начальство?

– А мое начальство – вообще государев люд. Им мнение, отличное от мнения верховного командования, иметь не положено. Потому и выделили меня в свое время в отдельную структуру. С частного лица что взять?

– Очень грамотный был ход, – задумчиво перекатывая в пальцах карандаш, заметил Сноровский. – Ну и?

– Ну и будем исходить из этого удачного предвидения, – туманно ответил полковник. – Будем тянуть резину. Когда Контора поймет, что мы хитрим, нас, конечно, прижмут, но будет уже поздно. Игра на лезвии, но выхода нет. Справишься?

– Сколько в запасе времени?

– Три недели, не больше. Сначала, пока они будут разбираться с фотоснимками, консультироваться с американцами, разрабатывать планы... Потом, пока начнется новая кампания... В общем, все это время им будет не до нас и не до келлского нитья. А вот после – нам придется либо предста-

вить доказательства, что чужаки не лучше восточных террористов, либо отпустить пленных и уйти на пенсию.

– Ясно. Будем думать.

– Только быстро, Палыч, – Безносов прицелился в собеседника короткой телефонной антеннкой. – Мобилизуй своего ясновидящего, моих охламонов, но через неделю... Какой, говоришь, номер у этих ворот?

– Сто пятьдесят седьмой.

– Вот. Значит, сотню установить ты мне должен – как с куста. Не меньше.

– Семен, ты меня знаешь.

– Знаю, – полковник поднялся с кресла, так никуда и не позвонив.

– Слушай, Сеня, а что, в правительстве и Конторе действительно не в курсе, кто такие келлы?

– А ты сам-то уверен, что знаешь о них все-превсе?

– Нет, ну не все, конечно, – Сноровский озадаченно потер гладкую макушку. – Но ведь только один факт, что они пришельцы...

– А это пока еще не факт, – погрозив пальцем, заявил Безносков.

– Что значит – не факт?! – возмутился Иван Павлович. – Вивисекцию провести, что ли, чтобы всех окончательно убедить? Ты же сам нас просвещал насчет их культов, привычек и прочего. Или ты тоже говорить говоришь, но сам не веришь?

– Ты видел, как работает их штуковина, ворота эти? На родину их, меж звезд затерянную, заглядывал?

– Нет, мы эту установку запустить так и не смогли.

– Вот, – Безносов покачал головой.

– Что – вот?!

– То и «вот», – терпеливо пояснил полковник. – А вскрытие мы уже проводили, и не раз. Все как у нас, у этих келлов. Один в один...

– Разве такое возможно?!

– Я тебе физиолог, что ли? Нашел Павлова! Короче, пан Иван, твоя задача – много ворот, причем действующих, а не торчащих из земли кривыми рельсами, и неопровержимые доказательства саботажа, подрывной деятельности или тайного пособничества врагам цивилизованного человечества. Понял? Без этого джентльменского набора даже я перестану верить в то, что келлы опасны и вообще – пришельцы. Все, иди работать.

– Я уже работаю, – Иван Павлович раздосадованно похлопал ладонью по письменному столу. – Это пока мой кабинет.

– Пока, – Безносов многозначительно кивнул и вышел.

* * *

* – Ну что, пришелец? – Сноровский прошелся вдоль длинной решетки, которая перегородивала подвальную комнату. – Будем сотрудничать или предпочитаешь так и сгнить

в этом каземате?

– Каземат со всеми удобствами, можно и погнить маленько, – провожая чекиста внимательным взглядом, заявил пленник. – Мне, кстати, адвокат полагается. И обвинение вы не предъявили.

– Каков наглец! – неискренне удивился Иван Павлович, оборачиваясь к Андрею. – Ты посмотри на него. Попался с автоматическим нарезным оружием в руках, а еще петушится. Тебе мало обвинения в хранении и ношении? А то, что стрелял по представителям власти? Назвать статью?

– Так ведь надеть черные маски может кто угодно, – келл пожал плечами. – Откуда нам было знать, что это представители власти?

– Они разве не предупредили?

– Так ведь крикнуть тоже можно все, что в голову взбредет, – пленник перевел взгляд на Соловьева. – Вот вы, например, сказали, что из ФСБ, а документы мне так и не показали...

– Почему сапиенсы? – неожиданно спросил Андрей.

Услышав его вопрос, Иван Павлович насторожился и вплотную подошел к решетке. Несколько секунд все трое молчали, старательно играя взглядами в своеобразные пятнашки. Пленник свой взгляд прятал, а допрашивающие пытались его перехватить.

– О чем это вы? – келл сунул руки в карманы и повернулся к Андрею боком.

– Смирно, – не повышая голоса, приказал Сноровский. – Смотреть на моего сотрудника.

– Не буду, – упрямо хмурясь, ответил пленный. – Так спрашивайте.

– Вы келлы? – спросил Андрей.

– В вашем варианте произношения.

– Отвечать на вопрос, – снова вмешался Иван Павлович.

– Да, келлы, – пленник кивнул.

– С какой целью вы прибыли на Землю?

– Жить...

– Отвечать на...

– Я и отвечаю! – келл сверкнул взглядом в сторону Сноровского. – Просто жить!

– А оружие, снаряжение, – Соловьев подошел к решетке и протянул пленному открытую пачку сигарет, – зачем?

– Спасибо, – он взял сигарету, по-прежнему не поднимая глаз. – Без оружия здесь жить опасно.

– Это не оправдание, – заметил Сноровский. – Миллионы граждан живут, не имея даже простейшего оружия.

– Ну и как живут эти ваши граждане? Служат тем, кто вооружен? Устройство вашего государства порочно. Оно базируется на принципах насилия.

– Любое государство – это аппарат подавления, – возразил Андрей.

– А я не имею в виду конкретно вашу федерацию. Я говорю о всех современных государствах, – келл закурил и снова

встал по отношению к Соловьеву вполоборота.

– Как вас зовут? – доброжелательным тоном спросил Андрей.

– Егор.

– А реально, на келлском?

– Примерно так же, я выбрал имя, созвучное с настоящим.

– Расскажите о своей родине.

– Нет, постой, – прервал их диалог Сноровский. – Лирика на десерт. Сколько вас на Земле?

– Я рядовой, – пленник пожал плечами. – Мне неизвестны точные цифры. Примерно тридцать армов.

– Арм – это сколько?

– Тридцать – тридцать пять тысяч бойцов, плюс персонал, всего около пятидесяти тысяч...

– А сколько штыков насчитывал ваш отряд?

– Вместе с персоналом сотню.

– Десять мы отправили на покой, семьдесят четыре взяли, – подсчитал Сноровский. – Еще шестнадцать? Найдем. Какие у вас были задачи?

– Мы всего лишь отряд охраны ворот, – поспешно ответил солдат. – Мы не диверсанты!

– Разве я обвинил тебя в диверсионной деятельности?

– Нет, вы не обвиняли... – келл испуганно отпрянул к дальней стене. – Оставьте меня в покое! Не надо! Я же не сделал вам ничего плохого! Мы все не сделали вам ничего плохого! Мы вам не враги!

Сигарета выпала из его дрожащих пальцев и, падая, замарала пеплом серую форменную куртку, но он этого даже не заметил. Воин прижал к лицу ладони и застонал. Соловьев с Иваном Павловичем переглянулись и почти синхронно пожали плечами. Сноровский вернулся в глубь комнаты и принес со стола бутылочку с минеральной водой.

– Ты успокойся. – Он просунул руку с бутылкой сквозь прутья: – На, выпей.

Солдат послушно взял емкость и сделал пару глотков прямо из горлышка.

– Можно я допью?

– Пей, могу еще принести.

– Спасибо... – Воин устало сел посреди своей половины комнаты прямо на пол.

– А что это ты в истерике забился? – спросил чекист, дождавшись момента, когда вежливый келл успокоится. – Чего «не надо»?

– Не поддавайтесь, – глаза пленника лихорадочно сверкали. – Это само зло! Не позволяйте ему завладеть вашими душами! Иначе все закончится так же, как было у нас! Келлод, величественный и могучий! Столица межзвездной империи! Что осталось от этого гиганта? Диши? Жалкий спутник великой планеты? Восьмидесятая часть отнятого у цивилизации величия? Шестая часть ее тяжелой поступи?

– Хорошо излагает, – Иван Павлович вздохнул и восхищенно покачал головой. – Просто поэт... или этот, как его...

Баян. Сказочник!

– А может быть, он говорит правду? – Андрей в сомнении покосился на Сноровского.

– Это *ты* мне скажи.

– В таком состоянии его не... прочтешь.

– Крыша поехала?

– Не знаю, но сам впасть в такой транс не хотел бы.

– Отбрехивается нехристь, – Сноровский махнул рукой. – Мне все его бормотания до фонаря. Мне точные данные нужны. Координаты ворот. Желательно всех, но хотя бы что знает. Давай спроси.

– Невменяем он, – попытался возразить Соловьев.

– Наивный ты, – Иван Павлович усмехнулся. – Поработал бы у нас с годик, еще и не такие спектакли довелось бы увидеть. Присмотрись, «станиславский», не видишь, что ли? Филиал драмтеатра у нас в подвале открылся, «Гамлета» дают! А вот, смотри, сейчас наступит трагический финал...

В стене, с той стороны решетки, открылась дверь, и рядом с сидящим на коленях келлом появился охранник. Он похлопал по ладони резиновой дубинкой и слегка толкнул пленного в бок. Келл, став внезапно каким-то отрешенным, медленно поднялся и вытянул в сторону Андрея руку.

– Ты и альфа, и омега... Если ты не уничтожишь зло, оно поглотит тебя и заставит уничтожить этот мир!

– Все, занавес, – Иван Павлович подал охраннику знак, и тот ткнул солдата дубинкой под ребра.

Келл неожиданно перехватил руку противника так, чтобы удерживать ее на изломе в районе локтевого сустава, и продолжил:

– Будь у нас такой, как ты, Келлод остался бы столицей всех времен и миров!

– Отпусти его, или тебе не поздоровится! – заорал Сноровский.

Услышав его крик, из коридора в зарешеченный отсек ворвались еще двое охранников. Один из них попытался врезать келлу дубинкой по затылку, но солдат увернулся и подставил плечо заложника. Даже за шумом возни Андрей слышал отчетливый хруст. Первый охранник побледнел и, перехватив здоровой рукой запястье сломанной, упал на колени. Второй попытался нанести красивую серию ударов, и это ему почти удалось, дубинка мелькала, как на показательных выступлениях, но ни один из них так и не достиг цели. Келл двигался легко и грациозно. Выждав удобный момент, он подошел к охраннику вплотную и снизу вверх сильно ударил его кулаком под ребра. Человек стремительно посинел и, словно большой мешок, рухнул рядом с раненым товарищем. Даже Соловьеву было понятно, что встать этому воину не суждено уже никогда. Третий охранник отреагировал на вышедшую из-под контроля ситуацию мгновенно. Он отступил к двери и вынул из кобуры пистолет.

– На поражение! – рявкнул Сноровский, разрешая все его сомнения.

Команда директора Управления еще не отзвучала, а келл уже упал навзничь, широко раскинув руки. Из небольшой дырочки в центре лба не вытекло ни капли крови. Вся она потекла через выходное отверстие на затылке.

– Вот тебе и условный противник, – пробормотал Андрей, зачарованно глядя на расползающуюся по бетонному полу темно-красную лужу. – Если бы они дрались у ворот в полную силу...

В луже зашипела так и не погасшая до этого сигарета.

– «Тунгусам» пришлось бы туго, – закончил Иван Павлович. – Спорить не буду. Что заставило их сдаться? Тут можно фантазировать хоть до скончания времен. Все, что угодно. Хотя в бред про падение великой империи от рук все-ленского зла я не верю. У всего в мире есть свое логичное объяснение. Другое дело, что логика может быть разной, но это вопрос к философам...

– А вы заметили... – Соловьев осекся.

– Что?

– Нет, ничего... я после скажу, когда обдумаю.

– Это верное решение, – одобрил Сноровский. – Он тут много чего наплел, ты половину отсей, а то, что останется, еще и профильтруй. Володя, ну что там, живой?

Вопрос он адресовал сосредоточенному доктору, который в ожидании санитаров делал второму охраннику непрямой массаж сердца.

– С двумя ребрами в сердце? – Врач поднялся с колен и

взглянул на часы: – Не довезем...

– А сам что?

– На кухонном столе его разложить и льдом для содовой гипотермию устроить? Для операций на сердце, как ни странно, требуются инструменты с оборудованием и операционная.

– Не бузи, Пашков. Я понял. Следующего на цепи будем держать и в кандалах. Эй, снайпер, веди следующего! Именно в такой упаковке.

– Сюда? – третий охранник кивнул на трупы.

– В соседний кабинет, – Иван Павлович махнул рукой. – Мы сейчас перекурим и придем.

Они вышли в коридор и, наблюдая за тем, как уносят убитых и раненых, закурили.

– А я ему верю, – заявил Соловьев после пары глубоких затяжек. – Не знаю, почему, но верю.

– Непоследовательный ты человек, – Иван Павлович укоризненно покачал головой. – Кто эту заваруху устроил? Прибежал ко мне с вытаращенными глазами и начал нашептывать о пришельцах. Не ты?

– Я и не отказываюсь, но нельзя же закрывать глаза на очевидные вещи. Келлы давно уже могли нас завоевать, но почему-то не стали этого делать.

– Тремя десятками армов всю Землю? – Сноровский усмехнулся. – Маловато будет.

– С нашим оружием – маловато. Но Безносов же говорил,

что военпром получил новые заказы на основе келлских разработок. Значит, у пришельцев в запасе есть и мощное вооружение. А они пользуются нашим, почему? И не лезут в драку – тоже непонятный нюанс поведения.

– Не созрела ситуация.

– Или нет такой цели?

– Ты решил выступить в роли адвоката?

– А вы – в роли судьи? Сначала надо разобраться, установить истину.

– Ворота нам надо устанавливать, а не истину! Еще сто пятьдесят шесть как минимум! И желательно, чтобы пара из них работала. А когда установим...

– Бросим в них по атомной бомбе, – закончил Соловьев. – Знаю я ваши сценарии. Всех разбомбить, перестрелять, а потом разбираться – следовало это делать или нет.

Сноровский хотел было возразить, но передумал. Ломая темп дискуссии, он взял длительную паузу. Отойдя к пепельнице на высоком никелированном треножнике, он тщательно затушил сигарету и вытер испачканные пеплом пальцы о ладонь.

– Давай так, – он потер макушку. – Будем разбираться, оставаясь при своем мнении. Кто окажется прав – вопрос отдаленного будущего, а путь к выяснению этого у нас все равно один.

Андрей упрямо покачал головой и не ответил. Расценив его поведение как молчаливое согласие, Иван Павлович удо-

влетворенно сцепил руки и кивком указал на новый кабинет. Там их уже ожидал пленный номер два...

...Тридцать четвертый допрашиваемый оказался техником перехода. Наряду с обычным для всех предыдущих борготанием о висящем над келлами проклятии и вселенском зле, он дал утомленным следователям и небольшую зацепку.

– Системой переходов управляет Коро, – пояснил он, справившись с очередным приступом странной паники. – Кибермозг.

– Все ворота объединены в систему? – уточнил Соловьев.

– Да.

– А что входит в нее дополнительно?

– Несколько убежищ и складов.

– Складов с оружием?

– И оборудованием.

– Где расположены склады?

– Я знаю только адрес нашего. Это в северной части города. Ангар на территории бывшей военной базы.

– Ну, хоть что-то, – пробормотал Сноровский. – А как там с охраной?

– Шесть воинов и матрофин...

– Мат... чего?

– Лейтенант, – пояснил келл.

– Так, это еще семеро. – Иван Павлович взглянул на недавно присоединившегося к допросу Бондаря: – Тима...

– Я понял, – командир «тунгусов» кивнул.

– Осталось девять.

– Это персонал, – подсказал пленный. – Наблюдатели, информаторы.

– Шпионы, – перевел Сноровский. – И где они шпионят?

– Я не знаю, – казалось, что солдат говорит искренне. –

Персонал подчиняется непосредственно матронарму.

– Дай угадаю, – Иван Павлович наморщил лоб. – Генералу, который командует всем местным армом?

– Точно, – техник кивнул. – Его штаб здесь, в городе.

– Так, значит, эти ворота были штабными, главными?

– Все переходы равнозначны, – возразил пленник, – просто этот ближе других к штабу. Арм расквартирован по тридцати городам, если пользоваться вашим административным делением, – по всему федеральному округу.

– Заслужил телевизор в камеру, – одобрительно сказал Сноровский. – Давай зарабатывай усиленное питание.

– Есть еще и внештатные базы, не подключенные к системе, с ними связь осуществляется через курьеров.

– Вот! – Иван Павлович поднял указательный палец и обернулся к Соловьеву: – Вот тебе белка, и вот тебе свисток!

– А ближайшие ворота?

– Я знаю только их системные позывные, – техник развел руками. – Точных координат не было даже у командира отряда. Возможно, они известны матронарму, но никто из солдат его не видел. Мы даже не знаем, как он выглядит, а тем

более, где живет.

– Конспираторы, – Сноровский усмехнулся. – Придется побеседовать с «персоналом». Знаешь кого-нибудь?

– Один раз видел... курьера. Но имени его не знаю.

– Фоторобота составить... – наклонившись к Сноровскому, негромко подсказал Бондарь.

Иван Павлович кивнул и посмотрел на Андрея. Тот и без напоминаний уже минуту неотрывно следил за взглядом пленника. Закончив свои наблюдения, он поднялся и вышел в коридор.

– Феликс? – спросил Сноровский, присоединяясь к Андрею.

– Нет, – Соловьев потер виски. – Устал я, Иван Павлович. Как в тумане все. Но курьера я уже видел. На банкете, а после – на улице. Это он потерял диск.

– Разошлем портрет, поймаем, а через него выйдем и на матронарма, – вывел Сноровский.

– Проще допросить Феликса.

– Насчет Сошникова я тебе уже объяснял. Без доказательств его не взять, а прямых улик у нас нет, и свидетель указал не на него, а на этого курьера-марафонца. Ладно, феномен, отдыхай до завтра, а то ты уже бледный, как стенка.

– Плохо мне что-то, Иван Павлович... После похорон такое ощущение осталось... – Андрей огорченно покачал головой. – Никогда не прощу себе этого дурацкого опоздания.

– Ты хотел сказать, не простишь мне? – Иван Павлович

вздохнул: – А может, так оно и лучше?

Соловьев бросил на него унылый взгляд и пошел к лестнице, ведущей в жилой блок...

* * *

*Следующее утро выдалось серым и ненастным. Холодный ночной дождь сбил с веток последние листья и наполнил все углубления ландшафта влагой.

Андрей натянул военный свитер и с опаской выглянул в окно. Двор был пуст. Служащие «загородного домика» в такую погоду предпочитали находить занятия внутри помещений. Не смущала промозглая сырость только «тунгусов». Они, в строгом соответствии с расписанием, совершали пробежку. Соловьев проводил взглядом их мерно топающий строй и зевнул. Подъем в Управлении объявляли слишком рано. Андрей взглянул на часы и скривился. Половина восьмого. В столовой на линии раздачи уже наверняка курились густым паром бачки с овсянкой и сковороды с яичницей... Мысль о завтраке придала Соловьеву заряд бодрости. Он, не глядя в зеркало, пригладил непослушные после сна волосы и вышел из комнаты.

– А, черт! – неожиданно донеслось откуда-то справа.

Андрей вздрогнул и обернулся.

Прямо в лицо ему смотрел бездонный зрачок пистолета.

– Андрей Васильевич? – человек с пистолетом опешил. –

Извините.

Парень покраснел и торопливо спрятал оружие обратно в кобуру. Когда шок от такого приветствия прошел, Соловьев наконец узнал в нем того самого охранника, который накануне отличился снайперской стрельбой.

– Вы это зачем? – растерянно спросил Андрей.

– Простите, ради бога! Обознался! Иду по коридору, вдруг из комнаты выходит келл, ну тот, которого я вчера... А потом вижу – вы. Затмение нашло, наверное. Может, мне к доктору обратиться? Он капель каких-нибудь пропишет...

– Да нет, все нормально, – Соловьев невольно ощупал свое лицо. – Просто возьмите выходной.

– Да, да, так и сделаю, – заверил охранник, – прямо сейчас к начальнику смены схожу... и к доктору загляну...

Андрей проводил его взглядом и вернулся в комнату. Старое зеркало в потертой раме не слишком гармонировало с интерьером недавно отремонтированной комнаты, но функции свои выполняло исправно. Соловьев включил свет и приблизил лицо к его гладкой поверхности. Сначала ничего необычного он не заметил. Слегка отекавшие после сна веки, покрасневшие, запавшие глаза. Узкий подбородок, сросшиеся брови, массивный нос, уши...

Андрей отпрянул от зеркала, и видение исчезло. Теперь из серебряно-стеклянных глубин на Соловьева смотрел обычный человек, но все равно себя в нем Андрей узнавал с трудом. Прошло несколько секунд, и он едва сдержался, чтобы

не ударить по зеркалу кулаком. Тип в нем был просто отвратителен. Он был почти копией... того убийцы... Призрака! Соловьев на всякий случай отошел на шаг назад. Одновременно в зазеркалье углубился и новый двойник. Теперь он был очень похож на Бориса. По печальному лицу друга промелькнула тень, и оно начало неуловимо меняться. Вытянулся нос, вокруг рта пролегли глубокие складки, лоб стал выше, а линия роста волос отодвинулась за пределы видимости. Андрей даже не успел присвоить новой маске имя, как она сменилась. Теперь из зеркала на него смотрел Феликс. Соловьев попытался представить себе Бориса, и Сошников исчез. Лицо Андрея вновь трансформировалось в лицо погибшего друга.

– Чертовщина, – пробормотал Соловьев, ощупывая лоб и скулы.

Кожа была какой-то слишком подвижной и эластичной, а мышцы, наоборот, напряжены. Андрей снова приблизился к зеркалу и понял, что все метаморфозы не имеют почти никакой мистической подоплеки. Смена «масок» была заслугой лицевой мускулатуры. Что заставляло ее реагировать именно таким образом – оставалось под вопросом, но объяснимость ситуации успокаивала.

– Я Соловьев! – приказал самому себе Андрей и представил свою обычную физиономию.

Мышцы тут же расслабились, и отражение стало вполне узнаваемым. Соловьев провел по багровой щеке ладонью и

погрозил отражению пальцем. Оно поступило так же...

– Где тебя носит? – Сноровский встретил Андрея на пороге комнаты для совещаний.

Тот вместо ответа представил себе лицо Безносова.

– Чего ты тужишься? – Иван Павлович с подозрением осмотрел сотрудника. – Газы?

Соловьев понял, что трюк не удался, и выбрал внешность ночного курьера. На этот раз Сноровский воздержался от комментариев и только подтолкнул Андрея к входу.

– Там у нас и видекамера есть, и фотоаппарат.

– Вы видите, что со мной происходит?

– А разве это у тебя первый день?

– А разве – нет?

– Мы с тобой уже почти неделю общаемся, я привык...

– Так я всю неделю гримасничаю?

– Нет, ну вот так определенно – в первый раз. До этого тебя просто корежило, как нервного больного... Сейчас ты кого изобразил, курьера?

– Да, а до него Безносова... пытался.

– Видно, если полковник не пустил тебя в мозги, так тебе его и не спародировать. Садись на стул. Сейчас зафиксируем вражью личину.

– На загранпаспорт? – поинтересовался вошедший в кабинет Бондарь.

– Уйди из кадра, а то еще и тебя искать будут, – Иван Пав-

лович махнул рукой. – Фоторобота делаем.

– Из кого? – Тимофей встал рядом с чекистом и взглянул на Андрея. – Вот это фокус! Ну, артист!

– На, – Сноровский вложил в руку «тунгуса» цифровой фотоаппарат. – Не в службу, Тима, отнеси компьютерщикам да скажи, пусть распечатают пару кадров. Нам с Андрюшей надо другим делом заняться.

– Сразу и пробую по оперативным каналам, – Бондарь подбросил аппаратик на ладони. – Ну надо же, артист! Где же так учат лицом-то хлопотать?

Оставив его вопрос без ответа, Сноровский схватил Андрея за рукав и потянул к выходу.

– Мы будем в тактическом зале...

Темп насыщенного делами утра наконец захватил и Соловьева. Он сбросил обычное оцепенение и двинулся к упомянутому залу первым.

В помещении с громким названием «тактический зал» было тесновато. Большую часть пространства занимала аппаратура, а на оставшемся пятачке уместился длинный стол и дюжина стульев. Одно из них было занято уже знакомым Андрею лохматым субъектом по имени Федор.

– Знакомьтесь, – предложил Сноровский. – У меня в кабинете вы виделись, но представить вас друг другу я, по-моему, не успел.

– А по-моему, и не собирались, – заявил Федор, внимательно разглядывая Соловьева сквозь толстые очки. – Кури-

лович, Федор.

– Соловьев Андрей.

– Ну, что там у нас, Федя, новенького? – Иван Павлович по-отечески похлопал парня по плечу.

– Петюня пароль сменил, – обыденным тоном ответил Федя.

– Но тебя это, конечно, не остановило?

– Конечно, – он горделиво указал на висящий за спиной проекционный экран. – «Вектор Т» на службе Управления. Ему, кстати, голосовую функцию наладили. Теперь можно беседовать. Подключиться?

– А то?

На экране высветилось формальное приветствие и предупреждение о наказуемости несанкционированного доступа. Спустя несколько секунд им на смену пришло изображение государственного герба, а затем логотип производственной марки «Вектор».

– Вектор Тысячелетия, – произнес ровный баритон.

– Понятно, что не какая-нибудь персоналка, – весело сказал Сноровский.

– А, Иван Павлович! – в голосе машины послышалось нечто вроде радости. – Как вам на пенсии?

– Скучно, особенно без твоего общества, – Сноровский рассмеялся. – Ты мое задание выполняешь?

– Его никто не отменял.

– Вот за это я и люблю машины, все логично. Получили

задание и, пока не поступила команда отмены – работают. А то, что человек, который дал задание, давно уже на пенсии и вообще в опале, – их не волнует.

– Просто у Пети руки не дошли пока до системной проверки, – заметил Федор.

– «Вектор», каков результат?

– Объем подозрительных данных десять гигабайт, ключ «семь» имеют девяносто три процента.

– Ключ семь? – заинтересовался Андрей. – Это что?

– Подозрение на известную вам кодировку. Применен ли к данным этот шифр, достоверно можете сказать только вы, Андрей Васильевич.

– Дай пример, – потребовал Соловьев.

По экрану побежали ровные строчки непонятных символов, таблицы из букв и столбцы цифр. На первый взгляд все это выглядело полным бредом. О чем и поспешил сообщить Федор.

– Вот все вы, программисты, из одного... теста, – сказал Сноровский, снисходительно глядя на парня.

– Так же, как сотрудники всяких там «органов», – огрызнулся Федор. – Эта абракадабра, по-вашему, секретный шифр?

– Нет, – неожиданно подтвердил Соловьев. – Это именно абракадабра. Я в ней ничего не понимаю.

– Новые пришельцы? – насторожился Сноровский.

– Скорее новый шифр.

– А может, того техника притащить? Пусть прояснит.

– Тащите, – Андрей пожал плечами. – Только чутье мне подсказывает, что он тоже не справится...

– Я же не курьер! – техник умоляюще прижал руки к груди. – Вы мне телевизор обещали.

Он обернулся к Сноровскому.

– Это была фигура речи, – отрезал Иван Павлович.

– А...

– Усиленное питание тоже.

Келл огорченно вздохнул.

– Курьеры сами все шифруют, а ключи знает Коро. Матронарм, наверное, тоже, но мы его никогда...

– Не видели, – Сноровский махнул рукой охраннику: – Увести.

– Что будем делать? – поинтересовался Федор. – «ВТ» отпускаем?

– Данные скачал?

– На это еще час уйдет, как минимум.

– Вот скачаешь и потом отпускаяй.

– А надо? Все равно – сплошной бред.

– Делай, что велено. – Настроение у Ивана Павловича пока не восстановилось. – Ты-то, Андрюша, почему молчишь?

– Не понимаю я ничего, – Соловьев оторвал взгляд от бегущих по экрану символов. – Вертится что-то в голове, но ухватить не могу. Такое впечатление, что смотрю на объект

при сильном увеличении. Понимаю, что это часть чего-то, но определенно сказать, какой это предмет, не могу. Мне бы отойти назад на десяток шагов и взглянуть снова, чтобы увидеть его целиком, но за спиной словно стена. А не видя, не могу представить полную картину, как ни пытаюсь.

– Это бывает, – Сноровский задумался. – На десяток шагов, значит, отойти? А может быть, на десяток мозгов?

– В смысле?

– Федор, ты процесс запустил? Ну тогда пойдя перекури...

Дождавшись, когда программист выйдет, Иван Павлович подался вперед и негромко продолжил:

– Что, если мы организуем тебе мозговую поддержку? Найдем еще десяток примерно таких, как ты, орлов-телепатов, и ты составишь с ними этакий тандем на одиннадцать сидений. Расширим твою оперативную память, да и сознание тоже. Глядишь, как раз на этот злополучный десяток шагов стеночка позади тебя и отодвинется.

– Теория, – Андрей с сомнением покачал головой. – Люди же не компьютеры, чтобы в сеть соединяться. К тому же где вы возьмете столько феноменов?

– Это другой вопрос, ты мне скажи, как твое чутье реагирует? Будет работать такая связка?

– Ну, откуда мне знать?! Сработает или нет – чистейшая теория, практически такого еще никто не проделывал, а значит, и конкретного ответа на ваш вопрос быть не может!

– Ты не закипай, – мягко предложил Иван Павлович. – Если найдем курьера, никаких ухищрений не потребуется.

– Вы сомневаетесь в способностях безносовских сыщиков?

– В другом я сомневаюсь, Андрюша... – Сноровский взглянул на часы. – Что-то Тимофей задерживается. Было бы неплохо к приезду полковника определиться...

– С чем определиться? – Соловьева уже тошнило от многозначительных недомолвок Ивана Павловича.

– А вот и Тима!

– Что я должен вам сказать, пан Сноровский? – Бондарь положил на стол пару фотографий «Соловьева-курьера».

– Скажи, что нашел этого субъекта.

– Нашел, – Тимофей усмехнулся, – только пользы от него будет немного.

– Вот в чем я сомневался, – запоздало пояснил Соловьеву Иван Павлович, указывая пальцем на «тунгуса». – Нет у нас больше концов. Обрублены все.

– Кроме Феликса, – упрямо напомнил Андрей.

Чекист поморщился.

– Да за Сошниковым и днем и ночью ребята следят... двое суток уже, – вместо него ответил Бондарь. – Ни одного подозрительного контакта, звонка или поступка. Он даже телодвижений лишних не совершает.

– Чуть раньше надо было его под наблюдение взять! – Соловьев с досадой хлопнул ладонью по столу.

– Ну что ты расстраиваешься? – Сноровский поднялся. – Ничего пока не стряслось. Головы на плечах, идеи в них есть. Времени маловато, это да, это минус, но и с ним справимся. Нехватку времени компенсируем расширением сознания.

– Я на ваше предложение пока не согласился!

– А я никаких предложений тебе и не делаю, – Иван Павлович внезапно словно покрылся толстой ледяной броней. – Я приказываю.

* * *

* – А получится? – Безносков серьезно сомневался в успехе задуманного соратником мероприятия, это угадывалось в каждом его движении.

– Ты же сам обладаешь этим... талантом и должен лучше меня в нем разбираться.

– Вот потому я и не спешу кричать: «Конечно, Иван Палыч! Давай-давай, Иван Палыч!»...

– «Шайбу-шайбу» не забудь, – обиженно буркнул Сноровский. – Что вы, в своей разведке, не экспериментировали, скажешь?

– Мыслями обмениваться пробовали, но вот так, вместе думать и расшифровывать коды... Ты же учти, кроме Соловьева, феноменов среди участников эксперимента не будет. Телепатические способности, в той или иной мере развитые, у них будут, но феноменальных не жди. Щелкать нелогич-

ные коды, будто орешки, после того как на секунду заглянул в мозги шифровальщику, – это, брат, талант. Такие люди раз в сто лет встречаются, в соотношении один на пять-шесть миллиардов.

– Вот потому я в него и верю!

– Аргумент, – задумчиво согласился Безносков. – Особенно впечатляет, что ты ничего не стал разжевывать. «Поэтому верю», и все дела. Впечатляет...

– Ну и?

– Не дави...

– Сеня, теряем время!

– Ладно, отщепенец, убедил. Смотри сюда.

Он развернул портативный компьютер так, чтобы Сноровскому был виден дисплей. На экранчике застыла начальная страничка стандартного досье с качественной фотографией и колонками мелкого текста.

– Кандидат номер один...

– Женя? Командир разведгруппы?

– Он, – подтвердил Безносков. – Майор Логинов. Индекс – девяносто процентов. Самый способный из всех моих «вундеркиндов». Рекомендую. Остальных выбирай на свой вкус.

От рекомендации полковника Сноровский не стал отказываться по двум причинам, во-первых, это было нереально, а во-вторых – невозможно. Иван Павлович мог бы придумать еще пару причин, но по смыслу они все равно были бы близки первым. Выбирать остальных только по досье че-

кист не решился.

– Не мне с народом работать, а Соловьеву. Надо бы нам вдвоем с ними побеседовать.

– Женя все организует. Кого получится – привезет, к остальным вас свозит. Только помни о времени, пан Иван.

– А я минуту назад так тебе и сказал...

Андрей отнесся к списку без воодушевления. В нем не было ни одного гражданского кандидата, только офицеры военной разведки – бывшие и действующие – да несколько сотрудников различных правоохранительных структур, видимо, тоже с военным прошлым.

– Евгений привезет вот этих пятерых к трем часам, а с этими мы встретимся в Доме офицеров в семь, – пояснил Сноровский. – Андрюша, ты не спи. Не нравятся кандидаты?

– Мне же с ними не... – Соловьев задумался. Что «не», он не знал. Не крестить детей – точно, а все остальное было под вопросом. Тесный мысленный контакт пока оставался загадочным действием даже для него самого. Он замолчал и махнул рукой: – Делайте, как угодно.

– Тебе с ними работать, – напомнил Иван Павлович. – Отнесись посерьезнее.

– А я серьезен, как никогда, – резко ответил Андрей. – Просто список – это набор символов. По нему не определишь, подходит для работы человек или нет. Уже почти три, где будем заседать?

– В холле, где оранжерея с фонтанчиком. Подойдет?

– Вполне...

Логинов вошел в холл ровно в три. То есть в пятнадцать ноль-ноль, как отметил любитель машинной и военной точности Сноровский. Следом за майором вошли еще пятеро подтянутых мужчин различного возраста, но одного «модельного ряда» – это уже была мысль Соловьева. Они молча расселись вокруг низкого журнального столика и выжидательно взглянули на Ивана Павловича. Спустя пару секунд трое из них перевели взгляды на Андрея. Это не укрылось ни от Сноровского, ни от внимательного Евгения.

– Вас, товарищи офицеры, я попрошу пройти со мной, – Евгений поднялся и указал на двоих оставшихся. – Так, Иван Павлович?

– Верно, Женя, проводи гостей в конференц-зал, – согласился Сноровский.

Оставшиеся трое, казалось, не обращали на происходящую ротацию никакого внимания. Они буквально сверлили взглядами Соловьева. Со стороны это выглядело как детская игра «кто кого переглядит». Иван Павлович хорошо видел, что Андрей не столько соревнуется с оппонентами, сколько сдерживает порыв принять их внешний облик. «Надо было тебя, Андрюша, в тень посадить, как того Призрака», – мелькнула в голове чекиста тревожная мысль.

«Надо было», – неожиданно пришел мысленный ответ.

«Это что? Я тоже телепат?» – изумился Сноровский, также не раскрывая рта.

«Это я вам все внушаю и считываю, – ответил Андрей. – Необязательно, оказывается, моим «пристяжным» быть телепатами, я и один могу за всех справиться».

«Вот это новость! А почему раньше молчал?»

«А я об этом только сейчас догадался. Раньше необходимости в мысленном перешептывании у нас не было, неплохо общались и вслух».

«Тогда эти ребята...»

«Нам не понадобятся. Лучше мы наберем десяток специалистов широкого профиля с гибким, разносторонне развитым мозгом».

«Это ты загнул, – Сноровский мысленно усмехнулся. – Мозг гибкий, да еще и разносторонне развитый. Просто перл изящной словесности».

«Это же мысль. Вы всегда говорите в точности то, что думаете?»

«Не подмечал. Не было необходимости».

«Теперь появится. Этих троих можно отпустить. Военных нам и без них хватит».

«Один Евгений пока в активе».

«Вот и достаточно».

«Подведешь ты меня под монастырь, Соловьев!»

«Ничего, я уверен, вы там не задержитесь».

Иван Павлович поднялся, церемонно пожал офицерам ру-

ки и предложил присоединиться к Евгению и компании в конференц-зале.

– Ты меня просто убил! – когда гости удалились, заявил он Андрею. – Где я тебе найду всяких там «разносторонних»? В каких базах данных?

– Вот в этих, – Соловьев сформировал маску, очень похожую на лицо Сноровского, и постучал согнутым пальцем по виску. – Надо просто задуматься. И вам, и мне. Военный у нас есть, программист тоже – Федор, нужен математик, врач, физик, химик, биолог-ботаник, историк-политолог какой-нибудь, кто еще?

– Разведчик-контрразведчик, – в тон ему подсказал Иван Павлович.

– Верно, а еще бизнесмен или экономист и женщина.

– Женщина-экономист? – не сразу понял Сноровский.

– Необязательно. Просто женщина. Любая, хотя лучше – молодая и красивая.

– А это зачем? – удивился чекист.

– Для нелогичности, мой генерал, для достоверной имитации нелогичности. Помните, в чем изюминка вражеского кода?

– Дошло, – Сноровский рассмеялся. – Так, это получается десять. Двое уже есть. Врача тоже можно здешнего привлечь, он вроде бы ничего...

– Одиннадцать.

– А кто еще?

– «Вектор Т».

– Ха! И весь аппарат ФАПСИ?

– Я серьезно.

– А если серьезно... это вопрос скользкий, но решаемый.

Теперь надо найти еще семерых. Твои соображения?

– Считайте, что женщину я уже нашел, – Соловьев слегка покраснел. – А я не сомневался! Ни секунды! – Иван Павлович просто покатился от хохота. Когда приступ пошел на убыль, он утер выступившие слезы и отрывисто произнес: – Я даже догадываюсь, кого ты нашел! Ту официантку из летнего кафе?

– Сразу видно – чекист со стажем, – недовольно пробурчал Андрей.

– Так мы с тобой только ее и обсуждали, у меня других кандидатур просто не было, – успокоившись, признался Сноровский.

– Сжульничали, – сделал вывод Соловьев. – Ладно, запомню. А еще у меня есть кандидат от контрразведки.

– Уволь! – Иван Павлович поднял руки ладонями вперед.

– А я не о вас, – Андрей недобро улыбнулся и сформировал на лице новую маску.

– Ты совсем с ума сошел?! – Сноровский даже вскочил, едва не опрокинув столик. – Он же келл!

– А доказательства? Ведь пока у нас нет улики, он считается человеком? На этой базе он будет не просто под колпаком, а еще и под давлением. Никаких связей с внешним ми-

ром, постоянное наблюдение, мишень между лопаток... Вон Тимофея попросим, он подстрахует. В конце концов, Сошников будет вынужден либо раскрыться, либо предать своих соратников. Что, плохой финт?

– Если подумать, рискованно, однако не так уж глупо, – прекратив ошарашенно мотать головой, согласился Иван Павлович. – Покрутится Феликс, как карась на сковородке. Как бы не пришлось его пристрелить, чтобы не мучился. Мне его даже немного жаль. Вот только согласится ли он пойти в явную ловушку. И как выпросить его у Константина?

– Уверен, что у вас есть секретные способы.

– Я не бог, – Сноровский развел руками.

– Но и не горшечник.

– Тоже верно. Ладно, придумаю что-нибудь. А с прочими физиками-лириками как поступим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.